

ДЕНИС РОМАШИН

Я НЕ
ТЕРРОРИСТ,
Я ПАНИКЕР

ИСКРА
ПРОТОКОЛ
ОСВОБОЖДЕНИЯ

ИМПУЛЬС

ПАНИКА — ЭТО ФИЧА

Денис Ромашин

Стрессовая магия

«Автор»

2026

Ромашин Д.

Стрессовая магия / Д. Ромашин — «Автор», 2026

На финальном собеседовании я хотел только одного — не умереть от панической атаки. Вместо этого заставил чашку с кофе зависнуть в воздухе и объявил на себя охоту. Оказывается, магия в Москве существует. Только у меня она работает как баг: чем сильнее я паникую, тем мощнее побочный эффект. Телекинез от злости, невидимость от страха и взлом техники от бытового стресса. Теперь за мной гоняется правительственная «СФЕРА», требуя встать на учет, а радикальная группировка «Искра» хочет сделать меня стабилизатором для масштабного теракта. Их харизматичный лидер планирует устроить массовое магическое пробуждение прямо на крупнейшем IT-форуме столицы. В моей команде — дерзкая бариста, управляющая жидкостями, и таксист на старой «Волге», проходящей сквозь пробки. Чтобы остановить магическую катастрофу и не стать рабом системы, мне придется превратить свой главный недостаток — тревожность — в единственное оружие. Главное — не забыть, где у этой магии кнопка безопасного отката.

© Ромашин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	59
Глава 10	66
Глава 11	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Стрессовая магия

Глава 1

На собеседование я надел единственную приличную рубашку.

Она лежала в шкафу с похорон дяди Коли и успела забыть форму человеческого тела. Гладить её пришлось через мокрое полотенце, потому что утюг у меня работал в двух режимах: «холодный» и «сжечь к чертям».

Со второго раза получилось терпимо.

Из зеркала на меня смотрел человек, которому можно доверить сервер, но не крупную сумму денег. Пиджак сидел неплохо, пока я не поднимал руки. Брюки остались со времён, когда я регулярно ходил в спортзал и почему-то считал, что так будет всегда.

На кухне пищал холодильник.

Он пищал уже третью неделю. Мастер сказал, что нужна новая плата, назвал цену и предложил подумать. Я подумал и теперь просто закрывал дверцу ногой посильнее.

Позавтракать не получилось. В шкафу нашлись гречка, соль и банка горошка. Вместе они не складывались ни во что, ради чего стоило задерживаться дома.

Я выпил чай, проверил документы и вышел.

На лестничной площадке сосед снизу курил возле открытого окна. Халат, тапки, седые волосы дыбом. Полный комплект человека, который давно перестал ждать от утра чего-то хорошего.

— На работу? — спросил он.

— На собеседование.

Он окинул меня взглядом.

— Тогда соболезную.

Мы пожали руки.

На улице моросило. Не дождь, а мелкая мокрая гадость, от которой зонт вроде бы не нужен, но через десять минут выглядишь как найденная на обочине собака.

До метро я дошёл быстро. Возле входа женщина раздавала рекламные листовки курсов личностного роста. Одну сунула мне.

«Измени жизнь за семь дней».

Я сложил листок и убрал в карман. Дома он пригодится под ножку стола. Стол менять жизнь не собирался, но хотя бы перестанет качаться.

В вагоне было тесно. Мужчина с рюкзаком упирался мне в живот, девушка рядом смотрела сериал без наушников, а чей-то ребёнок методично бил мать пластиковой машинкой по колену.

На «Павелецкой» половина вагона вышла, вторая половина зачем-то сначала попыталась войти. Я попал между двумя потоками и на несколько секунд перестал быть человеком. Стал частью городской гидравлики.

У эскалатора мне позвонила мать.

Я не взял.

Не потому что плохой сын. Просто разговор с мамой перед собеседованием всегда начинался с «не волнуйся», а заканчивался перечислением знакомых, у которых дети уже начальники отделов. Это придавало бодрости примерно как анализ крови натошак.

Я написал, что перезвоню вечером.

Она сразу ответила:

«Удачи. Только не умничай там».

Мама знала меня хорошо.

Москва ехала на работу.

Я тоже.

Три года назад я устроился программистом в небольшую аутсорсинговую компанию. Тогда обещали рост, интересные задачи и молодой коллектив. Коллектив действительно был молодой. Через год почти весь вырос и ушёл в другие компании.

Я остался.

Сначала потому, что работа была рядом с домом. Потом потому, что обещали повышение. Потом уже из упрямства. Человеку трудно признаться, что два года он ждёт денег от людей, которые даже туалетную бумагу покупают после трёх служебных записок.

Последней каплей стал холодильник.

Точнее, его плата за двадцать восемь тысяч. Я открыл банковское приложение, посмотрел на остаток кредита и понял, что пора менять либо работу, либо личность. Работу было проще.

Компания, куда я ехал, занималась платёжными системами и предлагала зарплату почти в полтора раза выше. В объявлении было написано: «Мы ищем человека, готового расти вместе с нами».

Обычно это означало, что компания пока не выросла достаточно, чтобы нанять двух человек вместо одного.

Но деньги были настоящие. По крайней мере, в объявлении.

Я приехал за полчаса. Специально.

Опаздывать на собеседование плохо. Приходить слишком рано тоже плохо, потому что приходится сидеть внизу и думать, зачем вообще согласился.

На первом этаже бизнес-центра работало кафе. Дорогое, пустое и с деревянными столами, которые специально делали старыми. Я заказал самый простой кофе.

Девушка за стойкой назвала цену.

Я переспросил.

Она повторила.

За эти деньги кофе должен был сам рассказать, почему я достоин новой работы.

Платить всё равно пришлось.

Я сел у окна, достал телефон и ещё раз просмотрел список вопросов. Зарплата. Испытательный срок. Переработки. Удалёнка. Премии.

Последний пункт я добавил утром:

«Почему от вас ушёл предыдущий сотрудник?»

Его я, конечно, не задам. Желание получать честные ответы ещё не повод вести себя как идиот.

За соседним столом двое мужчин обсуждали ремонт офиса. Один говорил, что рабочие опять сорвали срок. Второй отвечал, что надо сильнее на них давить.

Я отпил кофе.

Горький. Горячий. Обычный.

Телефон показал сообщение от начальника с нынешней работы:

«Никита, надо сегодня задержаться. Возникла срочная задача».

Я перечитал его дважды.

Вчера срочной задачи не было. Утром не было. Она возникла ровно в тот момент, когда я взял отгул за свой счёт.

Такое совпадение даже уважение вызывало.

Я положил телефон экраном вниз.

Он снова завибрировал.

Я посмотрел на экран и поймал себя на том, что уже заранее злюсь. Очень удобно: даже начальник теперь мог считаться диагностическим оборудованием.

«Ты сообщение видел?»

Я не ответил.

Кофейная ложка возле чашки тихо звякнула.

Я посмотрел на неё.

Ложка лежала как лежала.

Телефон завибрировал в третий раз.

«Ответь срочно».

Ложка медленно повернулась на блюде.

Всего на пару сантиметров.

Я снял пиджак, повесил его на соседний стул и осмотрел стол. Он стоял ровно. Никто его не задевал. Кондиционер находился далеко.

Ложка больше не двигалась.

— Допился, — пробормотал я.

Кофе за такие деньги действительно обязан был что-то показать.

До встречи оставалось двенадцать минут.

Телефон снова загорелся.

На этот раз звонил начальник.

Ложка подпрыгнула и упала на пол.

Я посмотрел на неё.

Потом на телефон.

А затем всё-таки ответил.

Виктор Павлович сообщил, что клиент внезапно вспомнил о важной доработке, которую нужно показать завтра утром. Я напомнил про отгул. Он напомнил про команду. Я напомнил, что команду распустили по трём проектам ещё зимой. Он сказал, что от меня не ожидал такого отношения.

Всё это заняло четыре минуты.

Когда разговор закончился, ложка лежала уже под соседним столом.

Я решил, что кто-нибудь её пнул.

Это объяснение было туповатым, зато привычным.

В переговорную меня позвали ровно в одиннадцать.

Собеседование шло нормально первые двадцать минут. Даже подозрительно нормально. Будущий тимлид, Илья Лавров, задавал вопросы по делу. Я рассказал про аварийный сервис, который однажды пришлось чинить ночью, про очереди задач, базы и ещё несколько вещей, способных заинтересовать только людей, которым за это платят.

Илья показал кусок кода с двойным списанием денег. Ошибка была простая: два одинаковых запроса могли пройти почти одновременно. Я объяснил, как закрою дыру, и он задал ещё пару вопросов. Нормальных. Без ловушек.

Мне даже понравилось.

В такие моменты вспоминаешь, почему вообще пошёл в профессию. Есть проблема. Есть ограничения. Есть решение. Никто не спрашивает, кем ты видишь себя через пять лет. Серверу плевать на личностный рост. Он либо работает, либо нет.

Илья записал что-то в блокнот и спросил, когда я смогу выйти.

Вот тогда я впервые подумал, что работа почти моя.

Ошибся, конечно.

Потом в разговор включился технический директор.

Он был лет на десять старше меня, в дорогих часах и с выражением человека, который уже видел правильный ответ и теперь ждал, когда я догадаюсь.

Сначала спросил про переработки.

Потом про стресс.

Потом про умение подстраиваться под бизнес.

На третьем круге я понял, почему у них открылась вакансия.
Рядом с директором стояла белая чашка с кофе.
Я старался на неё не смотреть.
— Допустим, — говорил он, — пятница, семь вечера. Клиент требует срочный релиз.
Команда устала. Вы уходите домой?
— Смотря что случилось.
— Клиент недоволен.
— Это не техническая авария.
Илья опустил глаза в блокнот.
Директор улыбнулся так, будто поймал меня.
— То есть интересы клиента для вас не главное?
Я подумал о своём холодильнике. О кредите. О зарплате, ради которой приехал сюда в похоронной рубашке.
И ответил спокойно.
— Главное — не сломать ему то, что пока работает.
Чашка чуть дрогнула.
Я заметил.
Больше никто — нет.
Директор продолжил объяснять, как устроена настоящая ответственность. Чашка сдвинулась ещё на пару миллиметров.
Мне стало жарко.
Я убрал руки со стола.
Чашка остановилась.
Хорошо.
Наверное, стол всё-таки кривой.
Потом директор сказал, что хорошие специалисты не считают рабочие часы.
Я промолчал.
Он, видимо, решил, что побеждает, и продолжил. Рассказал про «общую цель», «вовлечённость» и «семью внутри компании».
На слове «семья» чашка поехала к краю.
Я смотрел на неё уже открыто.
Она остановилась.
Директор тоже посмотрел.
— Что-то не так?
— Стол, наверное, кривой.
Он положил рядом свою ручку. Ручка осталась на месте.
Вот ведь человек. Даже мебель решил проверить на ложь.
Я прижал чашку пальцем и убрал руку.
Секунду ничего.
Потом он сказал, что в их компании ценят людей, которые «не прячутся за должностными обязанностями».
Кофе выплеснулся ему на рубашку.
Не чашка опрокинулась. Именно кофе поднялся над краем и одним аккуратным плеском лёг на белую ткань.
В переговорной стало тихо.
Директор медленно посмотрел на пятно.
Илья — на чашку.
Девушка из отдела кадров — на меня.
Я тоже посмотрел на себя. На всякий случай.

— Это не я, — сказал я.
Фраза была слабая, но другой не нашлось.
Директор резко отодвинул чашку.
Пачка салфеток с середины стола поехала к нему сама.
Вот тут стало совсем плохо.
Я сидел неподвижно. Руки держал на коленях. Салфетки проехали сантиметров сорок и остановились возле директора.
Никто их не трогал.
— Что за чертовщина? — спросил он.
Мне бы промолчать.
Но день уже явно пошёл не по плану.
— Зато сервис хороший.
Илья кашлянул и отвернулся.
Директор не оценил.
Он поднялся. Я тоже.
В этот момент погас экран на стене. Через секунду включился и показал прогноз погоды.
Жалюзи дёрнулись вниз. Кондиционер заработал на полную мощность.
Паника пришла сразу.
Не страх даже. Простое понимание, что техника вокруг решила присоединиться к собеседованию.
Экран мигал. Жалюзи остановились на середине. Замок двери пискнул красным.
У меня заболела голова.
Перед глазами на секунду поплыли цветные пятна.
— Мне, пожалуй, пора, — сказал я.
Дверь не открылась.
Я нажал кнопку ещё раз.
Замок щёлкнул. Свет моргнул. Дверь распахнулась.
Я забрал паспорт у кадровички, потому что уйти из новой жизни без основного документа было бы слишком символично, и вышел в коридор.
Никто меня не удерживал.
Пока.
У лифтов уже стояли двое техников. Один говорил по телефону, что сбой произошёл одновременно в переговорной, климате и системе доступа.
Я пошёл к лестнице.
До двери оставалось метров десять, когда меня окликнули по имени.
Мужчина лет сорока семи шёл от стойки администратора. Тёмный костюм, короткая стрижка, спокойное лицо. Не охранник. Слишком расслабленный.
Он показал удостоверение.
Фамилию я прочитал: Карпов.
Остальное название было длинным и государственным.
— Никита Сергеевич, нам нужно поговорить о произошедшем наверху.
— Быстро вы.
— Камеры быстрее.
Он говорил без угрозы. Будто предлагал оформить возврат товара.
Это настораживало сильнее.
— Я ничего не ломал.
— Мы пока тоже так считаем.
«Пока» мне не понравилось.
Позади открылась служебная дверь. Уборщица выкатывала тележку.

Карпов заметил, куда я смотрю.

— Советую не бежать.

Я сделал шаг назад.

— Я не бегу.

— Отлично.

Ещё шаг.

— Просто ухожу.

Карпов тяжело вздохнул.

Я развернулся, проскочил в служебную дверь и услышал за спиной его совершенно спокойный голос:

— Никита Сергеевич, вы существенно увеличиваете объём отчётности.

Служебный коридор оказался длиннее, чем я надеялся. Серые двери, коробки, запах моющего средства. В конце зелёная табличка «Выход». Я шёл быстро, потом ещё быстрее.

За спиной Карпов не гнался. Это нервировало сильнее.

У двери я всё-таки оглянулся.

Он стоял в начале коридора и говорил по телефону. Спокойно. Не махал людям, не кричал «держите его». Просто смотрел в мою сторону.

Я выскочил на улицу.

Дождь усилился. Пиджак я так и держал в руке. Телефон показал восемь пропущенных от начальника, одно письмо об отказе ещё не пришло, но я уже чувствовал его где-то в будущем.

До метро я дошёл пешком. Только на платформе понял, что у меня дрожат кисти. Сильно. Как после часа с тяжёлыми пакетами. Предплечья ныли, хотя ничего тяжелее папки я не поднимал.

Я списал всё на нервы.

Это было последнее нормальное объяснение, которое оставалось.

Почему-то именно после фразы Карпова я побежал быстрее.

Глава 2

Домой я добрался к двум часам.
Первым делом запер дверь.
Вторым — проверил, запер ли дверь.
Третьим — снял рубашку, потому что она окончательно перестала быть приличной и стала просто мокрой тканью с чужим запахом дорогого кофе.
На кухне пищал холодильник.
Я посмотрел на него.
— Даже не начинай.
Холодильник заткнулся.
Я замер.
Через пять секунд он снова запищал.
Стало легче.
Нормальная неисправность. Родная. Понятная.
Я сел за стол и открыл ноутбук.
В голове было слишком много вопросов, а вопросы я не любил хранить россыпью.
Поэтому создал таблицу.
Колонки получились такие:
«Время».
«Событие».
«Эмоция».
«Что произошло».
«Возможная причина».
После минуты размышлений добавил ещё одну:
«Насколько я ебанулся по шкале от одного до десяти».
В строке с ложкой поставил три.
В строке с кофе — семь.
Переговорная получила девять.
Карпов — отдельный вопросительный знак.
Я посидел, перечитал и решил провести эксперимент.
Сначала сделал чай.
Потом вспомнил, что всё началось с кофе, и сходил в магазин за банкой растворимого.
Не потому что верил в связь напитка и потусторонних сил. Просто эксперимент должен быть чистым.
Продавщица посмотрела на мою рубашку и спросила, всё ли нормально.
Я сказал, что собеседование прошло успешно.
Она не стала уточнять.
На стол положил чайную ложку.
Рядом — пластиковую крышку, ключи и старый пульт от телевизора. Всё лёгкое. Ничего ценного.
Разозлиться по заказу оказалось сложно.
Я вспомнил Виктора Павловича.
Ложка не двигалась.
Вспомнил плату холодильника за двадцать восемь тысяч.
Ноль.
Открыл рабочий чат.

Там уже было двадцать семь сообщений. Клиент спрашивал про релиз. Виктор Павлович писал, что Никита «временно недоступен по личным причинам», и просил коллег разобраться.

Я почувствовал знакомое раздражение.

Крышка дрогнула.

Я замер.

Она тоже.

Потом ничего.

Я записал результат.

«Повторяемость низкая. Возможно, движение от вибрации стола».

Потом поставил телефон на штатив из кружки и пачки макарон и включил запись. Если что-то снова полетит, хотелось хотя бы получить доказательство для себя.

Полчаса камера снимала взрослого мужика, который хмурился на столовые приборы.

На записи ничего не произошло.

Зато в конце я хорошо услышал, как холодильник пищит каждые сорок семь секунд.

Я добавил новую заметку: «Холодильник — реальная угроза психике».

Через десять минут я уже тряс стол рукой, проверял сквозняк листком бумаги и ставил ложку на разные поверхности.

Магия не работала.

Я даже поставил таймер на пять минут и решил ничего не делать, кроме как смотреть на ложку. Через две минуты почувствовал себя полным идиотом. Через четыре — очень внимательным полным идиотом.

Я попробовал злиться специально.

Для начала открыл приложение ЖКХ.

Ноль.

Потом посмотрел на счёт за интернет.

Ноль.

Включил запись последнего общего собрания компании, где Виктор Павлович сорок минут объяснял, почему отсутствие премии — это «возможность сфокусироваться на нематериальной мотивации».

Ложка дёрнулась.

Я выключил запись.

Ложка остановилась.

Включил снова.

Ничего.

— Ну конечно. Баг не воспроизводится.

Это даже успокаивало. Хотя что-то в новой жизни вело себя профессионально знакомо.

Зато я выяснил, что кухонный стол действительно перекошен. Листовка «Измени жизнь за семь дней» наконец пригодились по назначению.

В четыре часа пришло письмо из компании, где я проходил собеседование.

Я ожидал стандартное «мы решили продолжить с другим кандидатом».

Текст был короче.

«В связи с инцидентом дальнейшее участие в отборе невозможно».

Без имени. Без пожеланий успехов.

Лаконично.

Я добавил в таблицу строку: «Потеря потенциальной работы».

В графе эмоций написал: «Раздражение, умеренное».

Ложка не шелохнулась.

— Вот сейчас обидно, — сказал я ей.

Она сохранила профессиональную дистанцию.

К вечеру стало ясно две вещи.

Первая: я действительно видел невозможное.

Вторая: невозможное отказывалось работать по расписанию.

Я позвонил Илье. Не директору — ему.

Он ответил почти сразу.

Спросил, всё ли со мной нормально.

Я сказал, что да.

Потом посмотрел на таблицу «Насколько я ебанулся» и поправился:

— Физически — да.

Илья помолчал. Потом сообщил, что директор написал служебную записку про «неадекватное поведение кандидата и технический инцидент». Сам Илья ничего подписывать не стал.

— Камеры были?

— Конечно.

— Запись сохранилась?

— Уже нет доступа. Служба безопасности забрала.

Я поблагодарил и закончил разговор.

Получалось, Карпов не соврал. Это почему-то не радовало.

Это раздражало почти сильнее самого невозможного.

Я сходил в душ, поел гречку с тем самым горошком и понял, что оставил зарядное устройство в кафе бизнес-центра.

Покупать новое было жалко. Хорошее зарядное сейчас стоило как нормальный обед на двоих, если без алкоголя и надежд.

Ехать обратно не хотелось.

Я пять минут убеждал себя, что могу заказать новое с доставкой. Потом вспомнил, что банковское приложение уже утром желало мне финансовой свободы, и решил не мешать ему работать.

Заодно хотелось посмотреть на тот стол ещё раз. Может, поверхность была наклонена. Может, ложка попала на каплю воды. Может, в переговорах с реальностью ещё оставался вариант, где я просто плохо спал.

Версия была слабая, но дешёвая.

Но дома оставалось тридцать два процента батареи, а Карпов где-то существовал.

Я поехал.

К вечеру кафе выглядело совсем иначе. Утром там сидели люди с ноутбуками и лицами тех, кто уже опоздал. Теперь было шумнее: кто-то ужинал, кто-то ждал встречи, трое подростков делили один десерт на четверых и делали вид, что так задумано.

За стойкой работала та же девушка.

Утром я почти не смотрел на неё. Сейчас заметил короткие тёмные волосы, маленькое кольцо в ухе и привычку вытирать руки о фартук, даже когда они сухие.

Она узнала меня сразу.

— Вы вернулись.

— У меня здесь зарядка.

— А я думала, за работой.

— С работой сложнее. Зарядка хотя бы не пишет отказ по электронной почте.

Она достала из ящика мой блок и кабель.

— Нашли под столом. Я подписала.

На зарядке был кусок малярной ленты: «Человек с собеседования».

— Спасибо. Очень точное описание.

— Я хотела написать «человек, после которого приезжала служба безопасности», но лента короткая.

Я посмотрел на неё внимательнее.

— Приезжала?

— Двое. Спрашивали, что вы делали до встречи. Что заказывали. С кем говорили.

— И что вы ответили?

— Что вы заказали американо и минут десять смотрели на телефон так, будто он вам должен денег.

— Почти правда.

— А остальное не их дело.

Она сказала это спокойно и отвернулась к кофемашине.

Я должен был забрать зарядку и уйти.

Вместо этого спросил:

— Вы видели ложку?

Рука у неё на секунду остановилась.

Совсем чуть-чуть.

Потом она продолжила протирать холдер.

— Какую ложку?

— Которая двигалась сама.

— Здесь много ложек.

— Хорошо. Вы видели, как одна из них подпрыгнула без причины?

— Причина обычно есть.

Вот после этого стало интересно.

Я сел на высокий стул у края стойки.

Алина — имя было на бейдже — посмотрела на зал, потом на меня.

Пока она работала, я наблюдал. Не за ней специально. За всем.

Две камеры под потолком. Основной выход. Служебная дверь возле мойки. Кнопка тревоги под кассой. Нормальные вещи, на которые обычно не смотришь, пока за тобой не начинает интересоваться человек с государственным удостоверением.

Я поймал себя на этом и понял, что за один день стал неприятно внимательным.

— Вам лучше уйти домой.

— Уже был. Не помогло.

— Тогда хотя бы не задавайте вопросы громко.

Она поставила передо мной стакан воды.

Я его не просил.

— Это зачем?

— Бесплатно. Пользуйтесь моментом.

Я отпил.

В этот момент мужчина у кассы начал ругаться из-за заказа.

Ничего особенного. Ему сделали латте на обычном молоке вместо безлактозного. Бариста за второй машиной извинился и предложил переделать. Мужчина уже завёлся и решил, что теперь необходимо добиться справедливости для всех людей с непереносимостью лактозы сразу.

Алина подошла к кассе.

Сначала говорила спокойно.

Потом мужчина повысил голос.

Она сжала пальцы на краю стойки.

В стакане перед ним кофе вдруг перестал быть жидким.

Я видел это очень хорошо.

Латте густел на глазах. Пена осела. Поверхность стала плотной, почти неподвижной. Мужчина поднял стакан, наклонил — ничего.

Он потряс сильнее.

Кофе вывалился одним цельным куском и шлёпнулся обратно.

За соседним столом кто-то прыснул со смеху.

Алина закрыла глаза.

На секунду.

Потом забрала стакан.

— Переделаем.

Мужчина смотрел на кофе.

— Что это было?

— Перегрели смесь.

— Она же как шпаклёвка!

— Поэтому и переделаем.

Он всё ещё хотел спорить, но зрелище оказалось сильнее характера.

Алина ушла к раковине.

Я видел, как она прячет правую руку под стойку и разминает пальцы другой.

Судорога.

Она поймала мой взгляд.

Мы молчали секунд пять.

Потом я сказал:

— Значит, не допился.

— К сожалению.

Она налила себе воды и выпила почти весь стакан сразу.

Разговор продолжился уже в подсобке, куда она затащила меня под предлогом проверить зарядку.

Перед этим ей пришлось переделать злосчастный латте. Новый кофе получился нормальным. Клиент ушёл, всё ещё оглядываясь на первый стакан. Его можно было понять. Я бы тоже не доверял напитку, который внезапно приобрёл несущую способность.

Там пахло кофе, картоном и чистящим средством. На полках стояли сиропы, коробки и запас одноразовых стаканов.

Алина закрыла дверь.

— Первый раз сегодня?

— Первый раз что?

— Когда вещи начали делать то, чего не должны.

Я рассказал коротко. Ложка. Кофе. Переговорная. Карпов.

На фамилии она поморщилась.

— СФЕРА.

— Это кто?

— Люди, которые очень любят порядок. Особенно когда порядок принадлежит им.

— Государство?

— Формально — да. Подробности потом.

— Почему потом?

— Потому что сейчас у входа стоят двое, которые пришли не за капучино.

Я выглянул через узкое окошко в двери.

В зал вошли мужчина и женщина в обычной одежде. Не форма, не костюмы. Но они не смотрели на меню. Сначала осмотрели выходы, камеры и людей.

Плохой признак.

Алина достала телефон.

— Ты им сказала, что я здесь?

— Нет.

— Тогда откуда они знают?

— Камеры бизнес-центра. Оплата картой. Телефон. Вариантов полно.

Я машинально достал свой смартфон.

— Отлично.

— Убери. Сейчас звоню человеку.

— Какому?

— Который задаёт меньше вопросов, чем ты.

Она написала сообщение.

Пальцы у неё всё ещё подрагивали.

— Это всегда так?

— После сильного — да. Иногда сводит предплечья. Если много — обезвоживание.

— Удобная способность для кофейни.

— До первого дня, когда случайно превращаешь молоко в желе прямо в питчере.

Я представил.

— Клиенту отдали?

— Нет. Сотруднику. Он всё съел ложкой.

Вот это уже была нормальная история про магию. Без секретных ведомств. Почти бытовуха.

Я заметил на полке бутылку воды и протянул ей.

— Ещё выпей.

Она посмотрела на бутылку, потом на меня.

— Быстро учишься.

— Я пока только вижу, что после фокуса тебя сводит.

— Не фокус.

— Тем более.

Из зала донёсся голос одного из пришедших. Он спрашивал сотрудника про мужчину в сером пиджаке.

Мой пиджак был серым.

Я снял его.

— Гениально, — сказала Алина. — Теперь они ищут мужчину в рубашке, который несёт серый пиджак.

— Могу оставить.

— Вот это уже жертва.

Она открыла заднюю дверь.

За ней был узкий служебный коридор и лестница вниз.

Мы спустились на парковочный уровень. Серый бетон, трубы под потолком, запах сырости и машинного выхлопа.

Телефон Алины завибрировал.

— Две минуты.

— Кто едет?

— Руслан.

— Кто такой Руслан?

— Таксист.

Я остановился.

— Нас ищет секретная государственная служба, и твой план — вызвать такси?

— У тебя есть машина?

— Нет.

— Тогда план пока лучший.

Сзади хлопнула дверь.

Мы оба обернулись.

В коридоре показалась женщина из кафе. Та самая, что вошла вместе с мужчиной.

Алина схватила меня за рукав и потащила к выезду.

Я не спорил.

У тротуара уже тормозил тёмный седан с шашечками.

Пока мы бежали к нему, я успел заметить в стекле кафе мужчину из СФЕРЫ. Он вышел из-за стойки и не спешил. Просто достал телефон.

Это означало, что у них либо очень хорошая связь, либо очень плохие намерения.

Я предпочёл не уточнять.

Задняя дверь открылась.

За рулём сидел крупный мужчина с бородой и совершенно недовольным лицом.

Он посмотрел на Алину, потом на меня.

— Садитесь. Пять минут назад вы были обычным тарифом.

Я сел.

В тот момент мне уже было всё равно, сколько звёзд у водителя.

Глава 3

Руслан тронулся раньше, чем я успел захлопнуть дверь.

Машина качнулась, выехала из кармана и сразу встроилась в поток так уверенно, будто за нами не шли люди из секретной службы, а просто пассажир торопился на вокзал.

Алина сидела впереди.

Я — сзади, с пиджаком на коленях и зарядкой в кармане.

В нормальной жизни на этом месте я бы проверял маршрут и думал, не поставит ли водитель низкую оценку за короткую поездку.

Теперь нормальная жизнь осталась где-то между кофе-шпаклёвкой и женщиной, которая слишком быстро нашла нас в подсобке.

Руслан посмотрел в зеркало.

Ему было лет под сорок. Крупные руки, короткая борода, куртка без единой лишней детали. На панели висел только держатель телефона и маленькая иконка, приклеенная так, чтобы не мешать обзору.

В салоне было чисто. Подозрительно чисто для машины, которая работала в такси.

— Куда?

Алина назвала мой район.

Я сразу вмешался.

— Домой нельзя.

— Почему? — спросил Руслан.

— Потому что если они нашли меня в кафе, то адрес тоже знают.

— Разумно.

Он перестроился в левый ряд.

— Тогда куда?

Я не знал.

Это оказалось неприятно.

Я попытался хотя бы собрать факты.

Карпов знает имя и место всплеска. Алина знает Карпова и не хочет к нему. Руслан знает Алину и явно не удивлён магии. Есть ещё Зинаида Петровна, которая каким-то образом тоже в теме.

В нормальном проекте после такого я бы попросил документацию.

Здесь документацией, похоже, были люди, которые всё время говорили «потом». Я привык, что даже плохой план лучше пустого места. А сейчас у нас были три человека, машина и неизвестная государственная организация. Из полезного — зарядное устройство.

Алина повернулась.

— Есть человек рядом с твоим домом. Зинаида Петровна.

— Моя соседка?

— Ты её знаешь?

— Конечно знаю. Она кормит всех дворовых кошек и два раза вызывала участкового на парня с пятого этажа за музыку после одиннадцати.

— Отлично. Значит, адрес не объяснять.

Я посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь мою соседку?

— Потом.

— Ты часто говоришь «потом».

— Потому что если всё объяснять сразу, мы будем стоять.

Руслан кивнул.

— Правильная женщина.

Навигатор сообщил, что впереди пробка и предложил повернуть направо.

Руслан проигнорировал.

Через десять секунд навигатор предложил снова.

Он снова проигнорировал.

На третий раз я не выдержал.

— Он же объезд показывает.

— Там ремонт.

— Навигатор не знает?

— Он вчера тоже не знал.

Руслан произнёс это так, будто лично спорил с программой и победил.

Я оглянулся.

Сзади шёл серый кроссовер.

Ничего особенного. Таких в Москве тысячи.

Я заметил его только потому, что водитель два раза перестроился вслед за нами, хотя свободный ряд был справа. Потом он остановился на красный ровно за нами, оставив слишком много места.

Возможно, я уже начинал видеть слежку в каждом нормальном автомобиле.

Но после сегодняшнего это перестало быть самой странной проблемой.

Через два поворота он остался за нами.

Ещё через один тоже.

— Нас ведут, — сказал я.

Руслан посмотрел в зеркало.

— Вижу.

Никакой паники. Даже обидно.

— Может, просто едет туда же.

— Может.

Он прибавил скорость.

Кроссовер прибавил тоже.

— Уже меньше может, — сказал Руслан.

Он не стал гонять по городу. Наоборот, держал скорость в потоке, не лез между рядами и не изображал кино.

— Почему не отрываемся? — спросил я.

— Потому что камера на каждом перекрёстке, — ответил он. — Быстро поедem — быстрее найдут.

Это был первый план за день, который мне не хотелось перепроверять.

Алина достала телефон и выключила его.

Я сделал то же самое.

— Это поможет?

— Нет, — сказала она. — Но психологически приятно.

Мы свернули в многоуровневый паркинг торгового центра.

Я хотел спросить зачем, но Руслан уже взял талон, и шлагбаум поднялся.

Внутри было почти пусто. Поздний вечер, верхние уровни закрывались, машины стояли редкими рядами.

Руслан повёл нас вниз, к служебному выезду.

— Вы давно знакомы? — спросил я.

— С Алиной два года.

— И всё это время знали про...

Я неопределённо махнул рукой.

— Про людей с сюрпризами? Да.

— И вас это устраивает?

Руслан пожал плечами.

— Меня многое не устраивает. Налоги. Ямы. Комиссия агрегатора. Но жить можно.

Ответ был настолько нормальный, что я немного успокоился.

Потом впереди опустился шлагбаум.

Не тот, через который мы въехали. Служебный, красно-белый, перекрывавший узкий выезд.

Рядом стояли двое мужчин.

Один поднял руку.

— Стойте!

Руслан притормозил.

Сзади на рампу въехал серый кроссовер.

Путь назад закончился.

— Они ваши? — спросил Руслан.

— Не мои, — ответила Алина.

— Тогда плохо.

Он включил заднюю передачу, посмотрел в зеркало и снова поставил «драйв».

Перед нами был шлагбаум. За ним — свободная дорога.

Сзади — кроссовер.

По бокам бетон.

Один из мужчин впереди подошёл ближе.

— Заглушите двигатель и выйдите из машины.

Руслан не двигался.

Второй мужчина пошёл к пассажирской стороне.

Я почувствовал, как напряглось всё тело.

Мне не хотелось драки. Не хотелось задержания. Особенно не хотелось снова узнать, что вокруг меня умеет двигаться само.

Мужчина схватился за ручку задней двери.

Я не думал про магию. Я просто хотел, чтобы он на секунду перестал лезть к нам.

Чтобы отвлёкся. Посмотрел в другую сторону. Куда угодно.

— Смотрите вверх, — сказал я мужчине у двери.

Голос прозвучал странно. Глубже и жёстче, чем обычно.

Он остановился.

Поднял голову.

Просто взял и посмотрел в потолок.

Второй тоже машинально глянул туда же, но сразу вернулся к нам.

Я ошалел.

— Что ты сделал? — тихо спросила Алина.

— Понятия не имею.

Горло вдруг сжало. Голос стал хриплым.

Мужчина всё ещё смотрел вверх. Серьёзно. Внимательно. Как будто там шёл финал чемпионата.

— Поехали, — сказал я.

Руслан посмотрел на шлагбаум.

— Он закрыт.

— Я заметил.

Сзади хлопнула дверь кроссовера.

Кто-то крикнул:

— Машину блокировать!
Руслан выругался.
Потом сделал странную вещь.
Он положил обе руки на руль, глубоко вдохнул и нажал газ.
— Ты что делаешь?!

— Не трогайте ничего.
Шлагбаум приближался.
Я успел подумать, что водитель окончательно поехал головой.
Потом машина стала другой.
Не прозрачной. Скорее неправильной. Края приборной панели задрожали, будто горячий воздух над асфальтом. Звук двигателя провалился куда-то вниз.
Шлагбаум прошёл сквозь капот.
Не сломался.
Прошёл.
На долю секунды я увидел красно-белую перекладину внутри салона. Она пересекла приборную панель, колени Алины, мою дверь — и нигде не оставила следа.
Ощущение было мерзкое. Как будто мозг видел одно, а тело отказывалось это подтверждать.
Уши заложило. Воздух стал тяжёлым. Потом всё щёлкнуло обратно.
Полоса красного металла на секунду оказалась прямо перед моим лицом, пересекла салон и исчезла за багажником.
Мы вылетели на улицу.
Я обернулся.
Шлагбаум стоял целый.
Мужчины за ним тоже.
Один всё ещё смотрел в потолок парковки.
— Блядь, — сказал я.
Руслан кивнул.
— Нормальная реакция.
Через минуту его начало мутить.
Моё горло тоже саднило. Я попытался сказать что-то ещё и услышал хрип.
— Отлично, — выдавил я.
Алина повернулась.
— Не напрягай голос.
— Почему?
— Похоже на откат.
— От чего?
— От команды.
Я замолчал. Не потому что послушался. Просто говорить было неприятно.
Мужчина на парковке наверняка уже перестал смотреть в потолок. Но секунды нам хватило.
Новая строка для таблицы появилась сама собой: «Словесная хрень. Работает буквально. Цена — горло».
Он сбросил скорость, открыл окно и глубоко дышал.
На панели загорелся значок температуры двигателя.
— Машине плохо? — спросил я.
— Мне хуже.
— Может остановимся?
— Нет.

— А двигатель?

— Потом.

Я посмотрел на Алину.

— Вы все любите это слово.

Она усмехнулась.

Погоня продолжалась недолго.

На первом перекрёстке Руслан специально пропустил автобус, потом ушёл во двор, проехал под аркой и остановился на двадцать секунд между двумя грузовыми фургонами.

— Что делаем? — спросила Алина.

— Ничего.

— Нас найдут.

— Пусть сначала выберут правильный выезд.

Он дождался, пока на карте кроссовер — его Алина видела через приложение пробок по косвенным данным — уйдёт в другую сторону, и только тогда снова тронулся.

Мне понравилось. Никакой магии. Просто человек знает город и не суетится.

Я впервые подумал, что у этой компании есть шанс прожить дольше вечера. Серый кроссовер остался на парковке: ему пришлось ждать, пока поднимут шлагбаум нормальным способом. В этом был какой-то справедливый порядок вещей.

Руслан вывел нас на боковые улицы, потом через дворы и промзону.

Один раз остановился у светофора, хотя дорога была пустая.

— Можно же быстрее, — хрипло сказал я.

— Можно. Потом объяснять камерам, почему мы летели сто двадцать. Магия штраф не отменяет.

Он остановился на красный, дождался зелёного и только потом свернул во двор. Спокойствие Руслана действовало лучше половины советов из интернета. Когда рядом человек не суетится, самому тоже чуть стыдно паниковать.

Убедительно.

Я окончательно понял, почему Алина позвонила именно ему. Остаток дороги он прошёл без фокусов. После шлагбаума я ожидал, что теперь любая проблема будет решаться нарушением физики. Руслан предпочитал обычный поворот, если обычный поворот работал.

Навигатор несколько раз пытался вернуть на крупную магистраль. В конце Руслан его выключил.

— Нервирует.

— Ты только что проехал сквозь шлагбаум, — сказал я. — Но нервирует навигатор?

— Он спорит.

Логично.

Я перестал спорить. В новой реальности человек, который бережёт двигатель после прохождения сквозь шлагбаум и всё равно соблюдает красный свет, внушал доверие. Странно, но критерии надёжности за день сильно поменялись.

До моего дома добрались около одиннадцати.

Я попросил остановиться за два двора.

Руслан заглушил двигатель. Из-под капота пахло горячим металлом.

Он вышел, открыл его и некоторое время молча смотрел внутрь.

— Дорого? — спросила Алина.

— Пока не знаю.

— Я заплачу.

— Ты всегда так говоришь.

— И плачу.

— Иногда.

Я стоял рядом и чувствовал себя человеком, которого подвезли бесплатно, а машина в процессе нарушила несколько законов физики и, возможно, гарантийный договор.

— Сколько я должен?

Руслан посмотрел на меня.

— За поездку?

— За всё.

— Сначала выживи. Потом посчитаем.

Он захлопнул капот.

Мы пошли к моему двору пешком.

По дороге я увидел круглосуточный магазин и остановился.

— Мне надо воды.

Алина посмотрела на Руслана.

— И ему.

Руслан хотел возразить, но я уже купил две большие бутылки. Одну он выпил почти наполовину сразу.

— Это тоже цена?

— Нет. Это я пить хочу.

— Понял.

Нельзя всё списывать на магию. Полезное правило.

Возвращаться домой я хотел до боли. Там были ноутбук, одежда, документы, холодильник с дурным характером. Обычные вещи, которые ещё утром казались проблемами.

Теперь окна моего подъезда выглядели слишком открытыми.

У входа стояла незнакомая машина.

Внутри сидели двое.

— СФЕРА? — спросил я.

Алина посмотрела из-за угла.

— Похоже.

— Откуда ты вообще их узнаёшь?

— Они никогда не паркуются нормально. Боятся, что придётся быстро уезжать.

Это могло быть шуткой. Я не уточнил.

Дверь соседнего подъезда открылась.

На улицу вышла Зинаида Петровна.

Невысокая, в длинном старом пальто, с пакетом в одной руке и рыжим котом под другой.

Она посмотрела на нас без удивления.

— Опоздали.

— Куда? — спросил я.

— Ко мне. Эти двое уже час у твоего подъезда сидят. Один курил три раза. Второй всё время кофе пьёт. Потом удивляются желудку.

Рыжий кот недовольно мяукнул.

Зинаида Петровна погладила его по голове.

— Да знаю я, знаю. Чёрные ботинки, запах табака, машина с тёплым капотом. Всё понял с первого раза.

Кот дёрнул хвостом и посмотрел в сторону незнакомой машины у подъезда.

— Там они? — спросил я.

Зинаида Петровна посмотрела на меня.

— Он не отвечает «да» или «нет». Он кот. Но если тебе легче — да, похоже, там.

Руслан тихо сказал что-то по-татарски. По тону это было универсальное человеческое мнение о ситуации.

Я посмотрел на Алину.

Потом на Руслана.

Потом снова на соседку.

— Зинаида Петровна... вы сейчас с котом разговариваете?

— Нет, Никита. Я семьдесят два года ждала, когда ты наконец задашь этот вопрос.

Она развернулась к своему подъезду.

— Пошли. Чай остынет.

Я остался стоять.

Утром у меня был один холодильник с неисправной платой.

К ночи появились государственная служба, бариста с жидким кофе, таксист, который ездит сквозь шлагбаумы, и соседка с разведкой на четырёх лапах.

Самое неприятное — холодильник никуда не делся.

Глава 4

У Зинаиды Петровны дома пахло валерьянкой, пирогом и кошкой.

Не одной конкретной кошкой. Кошкой вообще.

На кухне сидели три. Рыжий занял подоконник. Серая лежала на холодильнике. Чёрно-белая смотрела на Руслана так, будто знала его налоговую историю.

Руслан сел подальше.

— Они кусаются?

— Только людей, — сказала Зинаида Петровна.

Руслан переставил стул ещё на десять сантиметров.

Мы переночевали у неё как попало.

Перед сном я всё-таки написал Илье, что жив и заболел. Врать было неприятно, но формулировка «временно скрываюсь у соседки от государственной структуры после неконтролируемого телекинеза» выглядела хуже.

Он ответил одним словом: «Понял».

Илья всегда умел не лезть туда, куда его не зовут. За это я его уважал. Алина на раскладном диване. Я на старом кресле, которое раскладывалось только с участием отвёртки. Руслан отказался ложиться и ушёл в машину проверить двигатель, потом всё-таки уснул там.

Утром спина напомнила, что креслу было лет столько же, сколько дому.

За окном кто-то заводил старую машину с пятой попытки. Сверху сверлили стену. На кухне свистел чайник. Мир настойчиво делал вид, что ничего особенного не случилось.

Я ему немного завидовал.

Я проснулся в семь от того, что серая кошка сидела у меня на груди и смотрела в лицо.

— Доброе утро.

Она не ответила.

Это приятно отличало её от начальства.

Я попытался встать. Кошка не согласилась. Пришлось ждать, пока она сама решит, что совещание окончено.

Зинаида Петровна поставила на стол чайник и миску с сырниками.

— Ешьте. Потом будете государство побеждать.

— Мы пока не собирались никого побеждать, — сказал я.

— Тем более ешьте. На голодный желудок вас быстрее убедят.

Спорить с человеком, который кормит тебя сырниками после ночного побега, неправильно.

Я взял два.

Алина — три.

Руслан вернулся со двора и сразу взял четыре.

— Машина? — спросил я.

— Живая. Перегрелась. Масло нормальное.

Он посмотрел на сырник.

— Это со сметаной?

Зинаида Петровна придвинула миску.

Мир на минуту стал понятным.

Потом рыжий кот спрыгнул с подоконника, подошёл к соседке и ткнулся лбом ей в колено.

Она положила ладонь ему на голову.

Замолчала.

Лицо изменилось совсем чуть-чуть. Не транс и не мистический свет. Просто сосредоточилась, как человек, который пытается расслышать тихий разговор за стеной.

Через несколько секунд отпустила кота. Потёрла висок и на секунду поморщилась.

— Шумит? — спросила Алина.

— Немного. Один кот — нормально. Три подряд уже как радио между станциями.

Потом Зинаида Петровна кивнула на окно.

— У подъезда двое. Те же. Один сменился ночью, второй остался. Пахнут кофе, табаком и этой мерзкой мятной жвачкой.

Я перестал жевать.

— Откуда кот знает, что это те же?

— По запаху.

— А что ещё вы... слышите?

— Не слышу. И не разговариваю с ними, как ты вчера решил.

Она села напротив.

— Прикасаюсь к знакомому животному — иногда приходят куски. Запах. Куда шёл человек. Чего испугался кот. Что увидел яркое. Иногда бесполезная ерунда.

— Например?

— Вчера Мурзик полчаса передавал мне голубя.

— Что с голубем?

— Жирный.

Руслан хмыкнул.

Я записал это в голове. Не голубя. Ограничение.

— Фамилии коты не сообщают?

— Нет. У них вообще плохо с документооборотом.

Вот это уже было похоже на правду.

За окном серело утро. Двор жил обычной жизнью: кто-то заводил машину, женщина тянула ребёнка в школу, дворник матерился на мокрые листья.

На фоне всего этого мысль о людях СФЕРЫ у подъезда казалась особенно дурной.

Я включил телефон.

Сигнал был слабый. В квартире Зинаиды Петровны мобильная связь работала только возле окна, зато кошки, судя по всему, ловили всё.

Сразу пришло несколько сообщений.

От Виктора Павловича — требование объяснить, почему я не вышел на связь вечером.

От Ильи — короткое: «Ты жив? Позвони, когда сможешь».

И ещё неизвестный номер.

«Никита Сергеевич, предлагаю решить вопрос без дальнейших упражнений в лёгкой атлетике. А. Карпов».

Я показал сообщение остальным.

Руслан прочитал.

— Вежливый.

— Это пугает.

Алина кивнула.

— Правильно пугает.

Я набрал ответ, стёр, снова набрал.

Зинаида Петровна заглянула через плечо.

— Не пиши много.

— Почему?

— Чем длиннее письмо государству, тем больше мест, где ты сам себе навредил.

Женщина прожила жизнь не зря.

Я написал:

«Нужны сутки, чтобы разобраться. Готов связаться завтра утром. Без задержания и изъятия вещей».

Карпов ответил через минуту:

«До завтра 10:00. Предпочтительно добровольно. Визитку оставляю у соседей».

— У каких соседей? — спросил я.

В дверь позвонили.

Мы замолчали.

Кошки тоже.

Это было хуже всего.

До звонка они шуршали, дрались за подоконник и требовали завтрак. Теперь три головы одновременно повернулись к двери.

Я вдруг понял, почему Зинаида Петровна не ставит видеодомофон. У неё система была старше и, возможно, надёжнее.

Зинаида Петровна поднялась и пошла в прихожую.

Я хотел остановить её, но она махнула рукой.

— Сидите. Если это государство, пусть сначала разуется.

Она открыла дверь не полностью, оставив цепочку.

В коридоре стоял Карпов.

Я видел только часть его лица.

— Доброе утро, Зинаида Петровна.

— Для кого как.

— Мне нужен Никита Соколов.

— Молодой человек взрослый. Найдёте — разговаривайте.

— Он у вас?

— А вы с ордером?

Карпов помолчал.

— Нет.

— Тогда вопрос закрыт.

Он протянул визитку.

— Передайте, пожалуйста.

Зинаида Петровна не взяла сразу.

— А если не передам?

— Передадите.

— С чего решили?

— Вы ветеринар. Бывших ветеринаров не бывает. Вы не любите, когда кто-то остаётся без информации о риске.

Она посмотрела на него чуть внимательнее.

— Наглый.

— Работа такая.

Только после этого взяла карточку.

— Передам. А ваши люди машину у мусорных баков переставят? Мешают вывозу.

— Передам.

— И курить возле детской площадки нельзя.

— Учтём.

Дверь закрылась.

Зинаида Петровна принесла визитку на кухню.

— Нормальный мужик, — сказала она. — Работа плохая.

Я взял карточку.

Имя, звание, номер. Никаких загадочных символов. Даже бумага хорошая.

На обороте от руки было написано время — 10:00 — и коротко: «Без удержания при добровольной явке». Карпов явно понимал, что слово «добровольно» после вчерашней погони нуждается в пояснениях.

— Он мог войти силой, — сказал Руслан.

— Мог, — ответила Алина. — Не вошёл.

Я повертел визитку.

— Может, правда просто поговорить?

Алина посмотрела на меня.

— Можешь. Только сначала пойми, на что соглашаешься. У СФЕРЫ хорошие врачи и плохая привычка считать риск важнее твоего мнения.

Зинаида Петровна поставила перед ней чай.

— А у вашей «Искры» какая привычка?

Алина помолчала.

— Считать помощь инвестицией.

На кухне стало тише. Даже Руслан перестал жевать.

Вот теперь выбор выглядел честно: одни хотели контролировать ради безопасности, другие помогали так, чтобы потом было неудобно отказаться.

Это стоило учитывать.

За окном мякнуло.

Зинаида Петровна посмотрела на серую кошку на холодильнике.

— Пора.

— Что пора?

— Уводить ваших наблюдателей от подъезда.

План оказался настолько бытовым, что я сначала не понял.

Во дворе жила женщина по имени Тамара Ивановна, которая считала любую неправильно припаркованную машину личным оскорблением. Зинаида Петровна позвонила ей и между делом упомянула «каких-то подозрительных мужиков, которые второй день занимают место у контейнеров».

Через четыре минуты Тамара Ивановна вышла во двор.

Через шесть — уже фотографировала номера.

Через восемь к ней присоединился дворник.

Через десять вокруг машины СФЕРЫ стояли трое жильцов и обсуждали, почему у неё тонированные задние стёкла.

Наблюдатели уехали.

Через минуту во дворе снова появились дети, дворник вернулся к листьям, Тамара Ивановна ушла домой писать отчёт в чат. Операция закончилась без погонь, шлагбаумов и людей в костюмах.

Ни одной магии.

Я смотрел на опустевшее место у баков и впервые со вчерашнего утра почувствовал настоящее облегчение. Не от силы. Не от тайного знания. Просто несколько жильцов выгнали наблюдение с помощью телефона, дворника и злости на парковку.

Зинаида Петровна заметила мой взгляд.

— Запомни, Никита. На любую секретную службу найдётся домовый чат.

Руслан смотрел из окна с уважением.

— Сильная женщина.

— Районная инфраструктура, — сказала Зинаида Петровна.

Пока машина СФЕРЫ уезжала, мы обсудили, что вообще делать дальше.

Алина предлагала не светиться до вечера. Руслан хотел поставить машину в гараж и проверить охлаждение. Я хотел получить хоть один ответ без слова «потом».

Зинаида Петровна слушала, потом поставила чашку на блюдце.

— У вас две проблемы. Первая — вы ничего не знаете. Вторая — уже думаете, что знаете достаточно, чтобы выбирать.

Это было неприятно точно.

— А вы что предлагаете?

— Послушать обе стороны. И никому ничего не обещать.

— СФЕРЕ и «Искре»?

— Ага. Как два банка перед кредитом. Пока договор не прочитал — все улыбаются.

После этого мы наконец смогли выйти.

Перед выходом Зинаида Петровна заставила каждого взять по бутерброду. Руслан взял два. Алина спорить не стала.

Мне выдали пакет с носками.

— Зачем?

— Ты вчера промок.

— У меня свои есть.

— Где?

— Дома.

Она посмотрела на меня.

Я взял пакет.

Государство могло подождать. С этой системой контроля спорить было бесполезно.

Не через мой подъезд. Через двор, потом арку и соседнюю улицу.

Мы шли к машине Руслана, когда Алине пришло сообщение.

Она остановилась.

Лицо стало серьёзным.

— Что?

— Вадим.

— Кто?

Она показала экран.

Сообщение было коротким:

«Алина, приводи Никиту. Сегодня в 19:00. Без обязательств. Он должен увидеть всё сам».

Ниже адрес.

Я посмотрел на неё.

— Он знает моё имя.

— Да.

— Откуда?

— Я не говорила.

— Тогда кто такой Вадим?

Алина сунула телефон в карман.

— Человек, который помогает таким, как мы.

Она рассказала коротко, без героизма. Несколько лет назад у неё впервые сорвало дар прямо на работе: лопнули бутылки с сиропами, залило стойку, видео попало в сеть. До приезда СФЕРЫ люди Вадима успели убрать запись и отвезти её к врачу, который не задавал лишних вопросов.

— Значит, он тебя спас.

— Да.

— И ты ему не доверяешь.

— Это разные вещи.

Ответ мне понравился.

— И чего хочет взамен?

— Вот это сложнее.

Руслан открыл машину.

— Можно проще?

Алина вздохнула.

— Есть «Искра». Неформальное сообщество пробуждённых.

Мы сели в машину, но Руслан не тронулся. Видимо, даже он считал, что эту часть лучше дослушать на месте. Они находят людей раньше СФЕРЫ, помогают с врачами, жильём, работой. Иногда действительно спасают.

— А иногда?

— Иногда считают, что если спасли, то ты теперь должен.

Мне это не понравилось.

Но вариант «государство слева, неизвестная организация справа, сиди у соседки всю жизнь» нравился ещё меньше.

Я достал визитку Карпова.

У меня было два предложения. Одно — от человека, который представился честно, но хотел контроля. Второе — от организации, которая обещала помощь, но уже знала обо мне слишком много.

Прекрасный выбор. Как между кредитом с комиссией и кредитом без комиссии, но с мелким шрифтом.

Потом снова посмотрел сообщение.

Прежде чем ехать, я ещё раз посмотрел на двор. Незнакомой машины уже не было. Рыжий кот сидел на капоте старой «Лады» и умывался, словно лично закончил операцию.

На экране телефона появилась ещё одна строка.

«Первый всплеск: 10:47. Бизнес-центр на Павелецкой. Телекинез + сетевой отклик».

Время было точным.

До минуты.

Я почувствовал, как внутри поднимается холодное раздражение.

Кто-то уже составил про меня карточку.

И сделал это быстрее, чем я сам.

— Поедем, — сказал я.

— К Карпову? — спросил Руслан.

— Нет. К «Искре».

Алина нахмурилась.

— Уверен?

— Нет. Поэтому и поедем.

Я набрал Карпову новое сообщение:

«Встреча завтра утром остаётся в силе».

Ответ пришёл почти сразу.

«Принято».

Без угроз. Без требований.

Мне даже захотелось, чтобы кто-нибудь из них оказался очевидным мудаком. Выбирать между двумя подозрительно разумными сторонами намного неприятнее.

От этого решение не стало проще.

Зинаида Петровна сказала бы, что сначала надо поесть. Возможно, именно поэтому она дожила до семидесяти двух, а я к двадцати девяти уже разговаривал с государством через сообщения.

Я убрал телефон.

Перед тем как ехать, мы заехали в обычный магазин одежды. Мой пиджак после вчерашнего выглядел так, будто участвовал в драке и проиграл. В штаб тайной организации я не хотел входить в носках Зинаиды Петровны и мокрой рубашке.

Купил дешёвый свитер. Продавец предложил оформить карту постоянного клиента.

Я отказался.

В моей жизни и так стало слишком много организаций, которые хотели хранить мои данные.

Впервые за сутки я не убегал.

Я сам выбирал, куда лезть.

Разница была небольшая, но приятная.

Глава 5

Штаб «Искры» оказался в деловом центре.

Не в подвале. Не в заброшенном заводе. Не за дверью с черепом.

Обычный современный офис рядом с метро. Стекло, турникеты, стойка администратора и кофейный автомат, который принимал карты всех банков.

Я даже расстроился.

Тайная организация должна хотя бы немного уважать традиции.

На табличке у входа было написано:

«Центр профессионального развития “Импульс”».

— Серьёзно? — спросил я.

Алина пожала плечами.

— Название меняли три раза.

— А «Искра» где?

— В документах нигде.

Это уже было разумнее.

Руслан остался в машине. Сказал, что если встреча займёт больше часа, начнёт считать ожидание по тарифу.

Мы с Алиной поднялись на третий этаж.

На ресепшене нам выдали бейджи.

Мой назывался «ГОСТЬ» крупными буквами. Ниже напечатали имя.

Пластиковый держатель сразу зацепился за рубашку.

Я попытался снять.

Не получилось.

— Не дёргай, — сказала Алина.

— Он меня победил.

— Это дешёвый зажим.

— Тем более обидно.

Внутри было человек тридцать.

Первое, что бросилось в глаза, — все выглядели нормально. Это звучит глупо, но после суток ожиданий я подсознательно готовился к плащам, шрамам и людям, которые говорят загадками.

Вместо этого мужчина в очках ругался с принтером. Девушка лет двадцати пяти ела лапшу из коробки. Кто-то спорил из-за графика уборки кухни.

Магическое подполье оказалось очень похоже на офис.

Только проблемы были дороже. Кто-то работал за ноутбуком. Кто-то пил чай. В одном кабинете девушка в спортивных штанах поднимала над столом четыре металлических шарика и ругалась, когда один падал.

В другом мужчина держал ладонь над разбитым телефоном. Ничего не происходило.

— Я же вчера смог! — возмущался он.

— Вчера ты испугался, что жена увидит переписку, — ответил инструктор. — Сейчас ты просто хочешь бесплатный ремонт. Это разные уровни мотивации.

Я замедлил шаг.

Вот это мне было понятно. Рядом инструктор терпеливо объяснял, что способность не обязана чинить технику только потому, что это удобно.

Я замедлил шаг.

Это было первое место, где невозможное выглядело буднично.

Никто не шептался. Не прятался. Не смотрел на меня как на человека, который обливает начальство кофе силой мысли.

Просто люди с проблемой, у которой здесь было название.

Алина заметила мою реакцию.

— Поэтому я и привела.

— Ты раньше здесь была?

— Да.

— Часто?

— Раньше чаще.

Она снова оставила недосказанность.

Я запомнил.

Нас провели в переговорную. Там уже ждал Вадим Селезнёв.

Перед дверью стоял стол с анкетами. В графе «тип проявления» были варианты: физическое воздействие, сенсорное, биологическое, техническое и «не определено». Последний пункт был самым длинным по количеству отметок.

Я ничего не заполнял.

Секретарь не настаивала.

Ещё один плюс в пользу организации. Или хороший маркетинг.

Тридцать с небольшим. Тёмная рубашка без галстука. Спокойный, собранный, без попытки выглядеть опасным.

На столе стояли вода, чай и тарелка с печеньем.

У государственного майора была визитка.

У подпольной организации — печенье.

Конкуренция работала.

Вадим пожал мне руку.

— Никита. Рад, что приехали.

— Я пока просто приехал.

— Этого достаточно.

Он не стал сразу рассказывать про судьбу, избранность и великие силы. За это я был благодарен.

Сначала показал офис.

По дороге нас несколько раз останавливали. Кто-то здоровался с Алиной. Девушка из медицинского кабинета спросила, не сводит ли ей снова кисти. Алина ответила, что всё нормально, слишком быстро.

Я заметил.

Значит, здесь её знали хорошо. Не как случайную знакомую.

Медицинский кабинет. Небольшой спортзал. Комнату отдыха. Рабочие места. Кухню.

На стене висела доска с вакансиями.

Рядом — объявления: «Нужен диван на неделю», «Отдам микроволновку», «Ищу мастера, который не боится самовключающегося света».

Последнее было зачёркнуто. Внизу приписано: «Нашёл. Теперь боится».

Я улыбнулся.

Вот здесь юмор не требовал человека с микрофоном. Люди просто жили с тем, что им досталось.

«Системный администратор».

«Водитель».

«Технолог производства».

«Помощник ветеринара».

Я остановился.

На доске были не только вакансии. Рядом висели объявления о комнатах, временной прописке, юридической помощи и психологе, который «в курсе специфики».

Это уже не клуб по интересам. Это была нормальная инфраструктура для людей, которых внезапно выбросило из обычной жизни.

Я вспомнил своё письмо об отказе и впервые понял, насколько быстро мог оказаться одним из них.

— Вы ещё и работу ищете?

— Для многих это первая проблема после пробуждения, — сказал Вадим. — Люди теряют контроль на рабочем месте. Попадают на камеры. Их увольняют или они уходят сами. Потом приходят структуры вроде СФЕРЫ и предлагают безопасность в обмен на подчинение.

Он говорил спокойно. Без лозунгов.

Это было убедительнее лозунгов.

В медицинском кабинете сидел парень лет двадцати с ожогами на руках.

На стене рядом висела обычная аптечная памятка и отдельный лист: «После проявления жара не охлаждать лёдом до осмотра». Ни рун, ни заклинаний. Просто правило, написанное жирным маркером.

Мне стало немного спокойнее. Там, где люди пишут инструкции после чужих ошибок, обычно хотя бы пытаются не повторять их снова. Врач менял повязку.

В комнате отдыха женщина спала на диване, накрывшись курткой.

— Ей негде жить, — тихо сказала Алина. — После первого всплеска муж выгнал. Испугался ребёнка оставлять рядом.

Вадим кивнул.

— Нашли временную квартиру. Завтра перевезём.

Я посмотрел на него.

— За чей счёт?

— За общий фонд.

— А фонд откуда?

Вадим не повёл нас дальше, пока не ответил. Назвал три компании, которые переводили деньги через благотворительные программы, и несколько направлений, на которых зарабатывали сами участники: ремонт, логистика, IT, медицина.

— То есть не подпольное казино?

— Разочарован?

— Немного.

— Бухгалтерия страшнее.

В это я верил без доказательств.

— Пожертвования, работа участников, несколько компаний-партнёров.

— Официально они знают, кому помогают?

— Не все.

Честный ответ.

По крайней мере, звучал честно.

Мы вернулись в переговорную.

По пути я заметил закрытую дверь с электронным замком. На ней не было таблички. Алина прошла мимо чуть быстрее.

— Что там?

— Тренировочная зона.

— Почему закрыта?

— Потому что некоторые способности плохо сочетаются со стеклянными стенами.

Ответ был нормальный. Но руку она засунула в карман и больше на дверь не смотрела.

Я снова запомнил.

На экране появилась презентация.

Я едва не рассмеялся.

— Что?

— Ничего. Просто тайное сообщество с презентацией.

Вадим улыбнулся.

— Людям нужны понятные схемы.

На первом слайде было написано: «Пробуждение: первые 72 часа».

Внизу мелко стоял номер версии документа. Уже девятая.

— Часто обновляете?

— После каждого серьёзного инцидента.

— Значит, восемь раз было совсем плохо?

— Больше. Иногда мы ленимся обновлять презентацию.

Честность опять сработала лучше рекламы.

Дальше шли риски: неконтролируемые всплески, физический откат, повторные срабатывания, публичность.

Никакой мистики. Почти техника безопасности.

Я слушал внимательно.

Вадим объяснил то, что уже начал понимать сам: сильная эмоция запускает способность, но эмоция у каждого своя, а сама сила связана с привычным способом человека воздействовать на мир.

О своём даре он сказал так же буднично: в группе мог усиливать уже существующие страхи, раздражение или спешку, но не создавать эмоцию из ничего. По его словам, для дружеских ужинов способность была сомнительная.

Потом показал статистику травм.

Она была не смешная.

— СФЕРА правда ловит всех? — спросил я.

— «Ловит» — грубое слово. Они регистрируют, наблюдают, ограничивают. Иногда защищают. Иногда решают за человека, где ему безопаснее жить и работать.

— А вы?

— Предлагаем выбор.

Алина возле окна чуть шевельнулась.

Я посмотрел на неё. Она заметила, но ничего не сказала.

Вадим продолжил показывать систему: у каждого новичка наставник, экстренный номер, медосмотр, список безопасных мест. На бумаге всё выглядело правильно. Даже слишком.

Мне не нравились идеально собранные системы. Обычно где-то внутри находился человек, за которого всё платили.

Я заметил.

Вадим тоже, но продолжил.

— У вас необычная комбинация. Телекинез и отклик электроники в один день.

— Откуда знаете про телекинез?

— Запись.

— Какая?

— Камеры переговорной частично сохранились. Копия появилась раньше, чем СФЕРА успела закрыть доступ.

— Удобно.

— Мы стараемся.

Он переключил слайд.

На экране возникла схема программы помощи.

Медицина.

Жильё.

Работа.

Обучение.

Юридическая поддержка.

Внизу мелко: «Участие в общей системе безопасности».

Я указал пальцем.

— А это что?

— Если человек пользуется сетью, он помогает сети. Дежурства. Сигналы. Перевозка.

Иногда помощь новым пробуждённым.

— Обязательная?

Вадим выдержал паузу.

— В критических ситуациях — да.

Вот и первый зуб.

Я посмотрел на Алину.

— Ты дежурила?

Она кивнула.

— Возила людей. Помогала прятать следы. Иногда работала на тренировках.

— Добровольно?

Пауза была короткой, но я её заметил.

— Сначала да. Потом стало сложнее отказывать.

Вадим не перебил.

— Поэтому сейчас у нас другой порядок, — сказал он. — Никаких долгов без фиксированных условий. Ошибки тоже приходится исправлять.

Хороший ответ. Возможно, слишком хороший.

Не огромный. Не окровавленный. Просто зуб.

Я откинулся на спинку кресла.

— Что вам нужно от меня?

— Пока ничего.

— Не верю.

Вадим не обиделся.

— И не надо. Слепое доверие после первого разговора — плохой признак. Особенно здесь.

Он открыл другой файл и показал расписание вводных занятий. Никаких клятв кровью. Медицинский осмотр, базовая безопасность, оценка триггеров, консультация юриста.

Всё выглядело настолько разумно, что я начал искать подвох активнее.

— И правильно.

Он снова улыбнулся.

— Мне нужно понять ваш дар. Вам — научиться не ломать переговорные. Предлагаю три дня. Доступ к тренировкам, врачу и информации. Без присяги. Без обязательства остаться.

— Телефон сдавать?

— На тренировочных участках — да.

— Нет.

— Тогда будете использовать гостевой режим и не получите доступ к части помещений.

— Подходит.

— Подписать соглашение о неразглашении?

— Прочитаю.

— Конечно.

Он достал планшет.

Я пролистал документ.

Текст был длинный. Очень длинный.

— Кто это писал?

— Юрист.

— Он вас ненавидит.

— Почему?

— Здесь восемь страниц, чтобы сказать «не рассказывайте про магию».

Вадим рассмеялся.

Не громко. Нормально.

Я прочитал ещё раз и отказался подписывать пункт, где организация могла хранить «биометрические и иные показатели проявления способности» без срока.

Вадим не спорил. Просто удалил пункт из моей версии.

Это мне понравилось меньше, чем если бы спорил.

Слишком легко.

Пока секретарь печатала новую копию, я заметил на столе папку с логотипом форума «Контур».

Название было знакомым.

Компания, где я проходил собеседование, готовила для этого форума часть серверной инфраструктуры. Илья последние две недели почти жил на созвонах с подрядчиками.

Я посмотрел внимательнее.

Вадим закрыл папку ладонью.

Не резко.

Но заметно.

— Вы работаете с «Контуром»? — спросил я.

— Партнёрский проект.

— Какой именно?

— Инфраструктурный.

— Очень точное слово.

— Вы backend-разработчик. Вам должно нравиться.

Алина снова отвела взгляд.

Второй зуб.

Я ничего не сказал.

Через пятнадцать минут мне выдали временный бейдж.

Он оказался ещё хуже первого. Зажим заклинило окончательно. Я дёрнул — вместе с ним оттянулась ткань рубашки.

— Не рви, — сказала Алина.

— Я не рву. Я веду переговоры.

— С пластиком?

— Он начал первым.

Сотрудница ресепшена принесла ножницы.

Пока она возилась с зажимом, рядом прошёл парень с коробкой, из которой торчали три огнетушителя.

— Опять тренировка? — спросила она.

— Нет, плановая.

— В прошлый раз тоже была плановая.

— Зато теперь есть план.

Он ушёл.

Я проводил коробку взглядом.

Организация нравилась мне всё меньше и всё больше одновременно.

Тайная организация, способная прятать магов от государства, пять минут освобождала меня от бейджа стоимостью рублей двадцать.

Это почему-то окончательно убедило меня, что место настоящее.

Фальшивые заговорщики предусмотрели бы всё.

На выходе Вадим догнал нас у лифта.

— Никита.

Я обернулся.

— Завтра утром покажу одну вещь. Думаю, после неё вам станет понятнее, почему я заинтересовался именно вами.

— Надеюсь, не ещё одну презентацию.

— Нет. Железо.

Это было уже интереснее.

— Какое?

Вадим посмотрел на закрывающиеся двери лифта.

— Ваш дар реагирует не просто на электронику. Он совместим с локальными системами так, как большинство способностей не умеют.

Я хотел спросить, откуда он это знает. Но двери уже сходились.

И впервые за вечер мне действительно захотелось вернуться утром — не потому, что меня заманили, а потому что я сам хотел понять, что со мной происходит.

Двери закрылись.

Я остался рядом с Алиной.

Несколько секунд мы ехали молча.

Потом я спросил:

— Что за «Контур»?

Она посмотрела на цифры этажей.

— Завтра расскажу.

Я вздохнул.

— Ненавижу это слово.

На первом этаже нас ждал Руслан.

Рядом с машиной он ел шаурму и смотрел видео про ремонт системы охлаждения. Видимо, магическое прохождение сквозь шлаббаум не отменяло необходимость потом разбираться с патрубками.

Он посмотрел на часы.

— Час сорок три.

— И?

— Ожидание платное.

Я впервые за всё это время рассмеялся нормально.

Не от нервов.

Просто потому, что это была самая понятная проблема из всех.

Глава 6

На третий день моей новой жизни я проснулся от будильника и минуту не понимал, где нахожусь.

Потом увидел кошку на шкафу, чужие обои и Руслана, спящего на стуле в куртке.

Всё вспомнилось.

Стало хуже.

Зинаида Петровна уже гремела посудой на кухне. В квартире пахло сырниками. После двух суток кофе, шаурмы и решений, которые нормальный человек принимает только под угрозой увольнения, запах еды действовал убедительнее любой психотерапии.

Я умылся, нашёл свой свитер и проверил телефон.

От Вадима пришло сообщение:

«10:00. Тренировочный зал. Покажу железо».

От начальника — шесть сообщений.

Последнее было коротким:

«Когда вернёшься?»

Я убрал телефон.

Некоторые вопросы лучше всего решаются отсутствием ответа.

На кухне Зинаида Петровна поставила передо мной тарелку.

— Ешь.

Я не спорил.

Алина сидела у окна с кружкой чая. Выглядела она бодрее меня, что было несправедливо. Вчера она тоже бегала, скрывалась и ходила в тайную организацию. Но у неё хотя бы не было ощущения, что организм ночью пытался уволиться.

Кисти ещё слегка дрожали. Голова не болела, но внутри черепа чувствовалась тяжесть, как после слишком долгого дня за монитором.

— Сегодня без геройства, — сказала Алина.

— Я вообще не планировал геройство.

Руслан открыл глаза.

— Обычно оно тоже не планирует.

Он закрыл их обратно.

В штаб «Искры» мы приехали к десяти.

Руслан отказался подниматься. Сказал, что после вчерашнего машине нужен нормальный осмотр, а ему — человек, который не произносит слово «магия», когда смотрит на систему охлаждения.

Мы с Алиной пошли вдвоём.

Вадим ждал в тренировочной комнате.

Комната выглядела так, будто её собирали из остатков фитнес-клуба и школьного кабинета физики. Маты на полу. Пластиковые ящики. Камеры. Датчики температуры. Весы. Старый металлический шкаф. На стене висела белая доска с таблицей.

В углу стоял большой серый блок на колёсах. Провода уходили в стойку с сетевым оборудованием.

— Это железо? — спросил я.

— Часть.

Вадим показал на стол.

Там уже лежали пластиковые стаканы, ложки, три дешёвых телефона, кухонные весы, секундомер и пачка одноразовых перчаток.

— Мы фиксируем проявления, — сказал он. — Не силу ради силы. Условия, предел, откат.

Вот это мне понравилось.

Не «почувствуй поток». Не «открой себя миру». Нормальные измерения.

Я достал ноутбук.

— Таблица есть?

Вадим посмотрел на меня с интересом.

— Есть журнал наблюдений.

— Значит, таблицы нет.

Через пять минут она была.

Колонки: триггер, способность, расстояние, масса, длительность, откат, побочные эффекты, повторяемость.

Алина заглянула через плечо.

— Ещё «насколько Никита потом злой».

— Это константа.

Первым проверяли телекинез.

На стол поставили пустую пластиковую кружку. Я смотрел на неё и пытался раздражаться.

Не получалось.

Кружка стояла.

Вадим специально включил запись моего собеседования. Тот момент, где технический директор говорил про работу на результат.

Я посмотрел.

Кружка дрогнула.

— О, — сказала Алина.

— Выключи.

Вадим не выключил.

На записи директор дошёл до фразы про пятницу вечером.

Кружка поехала по столу.

Я сдвинул её сантиметров на двадцать и почувствовал знакомую тяжесть в предплечьях.

Потом попробовали две кружки. Потом бутылку воды. Потом металлическую гантель весом два килограмма.

Гантель сдвинулась всего на пару сантиметров.

Три килограмма я уже не удержал. Предмет дёрнулся не туда, куда я хотел, и ударил по ножке стола.

Я записал:

«После двух килограммов точность падает. Раздражение не равно управлению».

— Можно короче, — сказала Алина. — «Не бесить рядом с посудой».

— Это будет раздел для пользователей.

С внушением вышло хуже.

Я не мог вызвать его специально.

Мы посадили добровольца — парня из службы поддержки «Искры», который согласился участвовать за дополнительный выходной.

Он сел напротив меня.

Я должен был заставить себя захотеть прекратить конфликт.

Проблема была в том, что конфликта не было.

Парень был вежливый. Мне ничего от него не требовалось.

— Спорьте, — предложила Алина.

— О чём?

— О чём угодно.
Парень подумал.
— Ананас на пицце нормальный.
Я пожал плечами.
— Мне всё равно.
— Майонез в шаурме обязателен.
— Нет.
— Началось, — сказал Вадим.

Через пять минут парень уже доказывал, что готовый кофе из автомата лучше свежего, потому что «стабильнее».

Я понимал, что это постановка.
Поэтому ничего не происходило.
— Тело не верит, — сказал я.
Вадим кивнул.
— Именно.

Для невидимости пришлось искать другой подход.

Я вообще не знал, что умею становиться невидимым. Вадим предполагал по типу реакции, который видел у похожих пробуждённых.

— Нужен острый страх или сильное смущение, — сказал он.
— Отлично. Давайте просто подождём налоговую.

Алина оживилась.
— У меня идея.

Мне сразу не понравилось.

Через десять минут она вывела на экран фотографию с моего студенческого выступления.

Я не спрашивал, откуда она её достала.

На снимке мне было девятнадцать. Я стоял перед проектором в рубашке, заправленной в джинсы, и держал микрофон двумя руками. За спиной висел слайд с огромной надписью «СИСТЕМА УЧЁТА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ».

Я помнил этот день.

Микрофон тогда пищал. Презентация зависла. Я забыл половину текста. Потом попытался пошутить, и никто не понял, что это была шутка.

— Убери.

— Подожди.

Она включила видео.

Вот это было уже грязно.

Я увидел, как молодой я молча смотрит на зависший слайд секунд двадцать.

Потом из зала кто-то крикнул:

«Перезагрузись сам!»

Я почувствовал, как лицо стало горячим.

— Алина.

Она повернулась ко мне.

И замерла.

— Что?

Я посмотрел вниз.

Кистей не было.

Рукава свитера заканчивались пустотой.

— Да ладно.

Невидимость поднялась выше. Я видел край джинсов, потом он тоже начал исчезать. Одежда, прилегающая к телу, уходила вместе со мной. Но телефон, который лежал в кармане не вплотную, остался виден странным прямоугольным бугром.

Я резко вытащил его.

Теперь телефон висел в воздухе.

Алина согнулась пополам от смеха.

— Очень смешно.

— Ты выглядишь как человек, которого забыли дорисовать.

— Выключи видео.

Она выключила.

Через двадцать секунд я вернулся.

Сначала руки. Потом ноги. Потом лицо.

Меня трясло от холода, хотя в комнате было тепло.

Я записал:

«Невидимость: примерно двадцать секунд. Свободные предметы видимы. Откат — озноб, дезориентация».

Потом добавил:

«Видео уничтожить».

Алина заглянула.

— Это не научный пункт.

— Самый важный.

Перед началом Вадим заставил нас пройти короткий инструктаж. Никаких стеклянных предметов. Никаких ножей. Телефоны убрать в мягкий ящик. Если у меня начиналась сильная головная боль, тест прекращали, даже если я уверял, что «ещё нормально».

Последний пункт мне не понравился.

— А кто определяет, нормально мне или нет?

Вадим показал на Алину.

— Она.

— Почему она?

— Потому что ты соврёшь.

Я хотел возразить, но не нашёл нормального аргумента.

Через полчаса приехал Руслан. Он всё-таки нашёл мастерскую, где согласились посмотреть машину без вопросов о том, почему на пластике бампера нет царапин, а датчик удара показывает событие. Мастер сказал оставить автомобиль до вечера. Руслан воспринял это как личное оскорбление и теперь ходил по залу пешком, что ему явно не нравилось.

Я поручил ему секундомер.

Он посмотрел на устройство.

— За ожидание считать?

— За эксперимент.

— Бесплатно?

— Ты сейчас серьёзно?

— Я всегда серьёзно, когда человек начинает распоряжаться моим временем.

В итоге мы договорились на обед. Так в научную методику впервые вошёл плов.

После телекинеза я решил проверить ещё одну вещь. Не силу, а точность. На стол поставили пластиковые стаканы и разложили монеты. Нужно было сдвинуть только одну, не задев остальные.

С первой попытки я двинул две.

Со второй — ни одной.

С третьей монета резко улетела со стола и попала Руслану в ботинок.

Он посмотрел вниз.

— Десять рублей.

— Верни.

— Компенсация морального вреда.

Я записал: «При раздражении точность ухудшается быстрее, чем сила».

И отдельно: «Не тестировать рядом с Русланом мелочь».

Проблема обнаружилась после четвёртого запуска. Я уже мог заставить кружку двигаться почти сразу, потому что достаточно было вспомнить утренние сообщения начальника. Но с каждым повтором пальцы дрожали сильнее. На пятом тесте я целился в пластиковую бутылку, а сдвинул лежавший рядом маркер.

Он проехал по столу и нарисовал синюю полосу на рукаве Вадима.

Вадим посмотрел на полосу.

Я посмотрел на него.

— Научная жертва.

Он молча отложил маркер подальше.

Вот за это я начинал его уважать. Другой руководитель уже провёл бы совещание о порядке использования канцелярии.

Мы сделали перерыв. Я сидел на мате, пил воду и смотрел на свои руки. До вчерашнего дня руки были просто руками. Печатали код, носили пакеты, иногда открывали холодильник в надежде, что за десять минут внутри появилась еда. Теперь их приходилось учитывать как потенциальное стихийное бедствие.

В этом было что-то неприятное.

И что-то очень интересное.

Если магия подчинялась правилам, значит, она переставала быть чудом. Становилась системой. Плохой, нестабильной, с документацией, которую никто не написал, но всё-таки системой.

С системами я умел работать.

Перед электроникой мы ещё раз попытались вызвать невидимость без старого видео.

Вадим предложил простой вариант: двое сотрудников наденут куртки, зайдут как СФЕРА и сообщат, что меня сейчас увезут на регистрацию.

Я знал, что это спектакль.

Поэтому, когда дверь распахнулась и два серьёзных мужика сказали: «Никита Соколов, пройдемте», я только спросил, оплачивается ли массовка.

Ничего не исчезло.

Один из сотрудников даже старался. Показал пластиковые наручники. Второй потребовал телефон. У меня чуть ускорился пульс, но мозг честно помнил, что пять минут назад мы вместе ели печенье возле кулера.

Эксперимент закончился ничем.

Я добавил в таблицу ещё одну строку: «Поддельная угроза почти бесполезна».

— То есть нельзя просто научиться нервничать по расписанию? — спросила Алина.

— Слава богу. Я и без расписания справляюсь.

Вадим заметил, что это важнее самой силы. Нельзя было заранее нажать внутреннюю кнопку и получить нужный эффект. Сначала тело должно поверить, что всё действительно плохо.

Мне эта система не нравилась.

Но выглядела честно.

Магия, как и жизнь, включалась именно тогда, когда удобнее было бы обойтись без неё.

Последним проверяли электронику.

Именно ради этого Вадим привёз серый блок.

Это оказался обычный стенд: локальная сеть, несколько дешёвых контроллеров, лампы, камера и старый ноутбук. Никакой магии внутри, по его словам, не было.

Мне дали гостевой профиль сети «Искры», который вчера установили на мой ноутбук для доступа к тренировочным материалам.

Я подключился.

Потом должны были создать техническую проблему.

Алина отключила один контроллер.

Я увидел ошибку на экране.

Ничего.

Она отключила второй.

Тоже ничего.

— Надо, чтобы он правда испугался, — сказала она.

— Спасибо.

Через минуту она закрыла крышку моего ноутбука и сказала:

— Я только что удалила твою рабочую папку.

Я открыл ноутбук.

Папки не было.

В груди провалилось.

— Ты что сделала?

— Спокойно.

— Там проект за два месяца.

Экран мигнул.

Сетевые окна открылись сами.

Я перестал видеть обычный интерфейс.

Не буквально. Скорее мозг вдруг начал понимать, куда идут сигналы. Три контроллера. Камера. Роутер. Ноутбук. Один лишний канал.

Чужой.

Служебный.

Я ткнул в него мышью.

На экране открылось маленькое окно без названия.

Строка:

PING RECEIVED / KONTUR-SITE / NODE A-03

Ниже — время. Утро. Несколько секунд назад.

Я застыл.

— Никита? — спросил Вадим.

Окно исчезло.

Обычная сеть вернулась.

Голова заболела сразу. Перед глазами поплыли цветные пятна.

Я закрыл ноутбук.

— Папку верни.

Алина подняла руки.

— Она в корзине.

— Я тебя когда-нибудь убью.

— Значит, эксперимент удачный.

Я промолчал.

Служебный канал я не показал.

В журнал записал только предел локальной сети и мигрень.

После тренировки Вадим ушёл отвечать на звонок. Алина помогала убрать оборудование.

Я снова открыл ноутбук.

Гостевой профиль «Искры» оставил фоновый сервис. Я нашёл его не сразу. Обычный пользователь не заметил бы вообще.

В журнале лежал тот самый пинг.

Источник: площадка форума «Контур».

Устройство А-03.

Я скопировал запись на отдельную флешку.

Удалять ничего не стал.

Пока.

К вечеру руки дрожали сильнее, чем утром. Голова не отпускала. Я выпил воды, потом ещё. Сон не приходил, хотя организм явно требовал выключить меня насильно.

Перед глазами стояла одна строка.

KONTUR-SITE.

Вчера Вадим закрыл папку с логотипом форума, когда я спросил о проекте.

Сегодня его гостевой профиль сам привёл меня туда.

Совпадения иногда бывают.

Но после последних трёх дней я начал относиться к ним как к бесплатным пробным подпискам.

Сначала всё удобно.

Потом выясняется, что отменить нельзя.

Глава 7

Ночью я спал три часа.

Остальное время лежал на раскладном кресле Зинаиды Петровны и слушал, как за стеной кто-то смотрит телевизор, а у меня внутри головы работает маленький перфоратор.

После вчерашних экспериментов руки дрожали даже во сне. Один раз я проснулся от того, что сжал пальцы в кулак и уронил с тумбочки ложку.

Ложка, к счастью, упала обычным способом.

Утром я открыл свою таблицу и добавил новый пункт:

«Не тестировать четыре способности за один день, если завтра планируется быть человеком».

Потом написал рядом: «Сон после перегрузки — хреновый».

Научный стиль постепенно становился ближе к реальности.

Зинаида Петровна заставила меня съесть кашу. Руслан приехал за нами на подменной машине — старой белой «Шкоде», которую ему выдали в сервисе.

Он был мрачнее обычного.

— Что с твоей?

— Остывает.

— Это диагноз?

— Это просьба не лезть.

Я не полез.

До полудня мы собирались провести тихий день. Я хотел проверить служебный пинг с «Контура», но без доступа к площадке это была просто строка в журнале. Алина обещала поискать старые контакты. Руслан хотел забрать машину. Зинаида Петровна собиралась к врачу и отдельно предупредила, что кошек мы ей не оставляем.

План прожил двадцать семь минут.

Телефон Алины завибрировал.

Она прочитала сообщение и сразу перестала жевать бутерброд.

— Старый чат.

— Какой?

— Взаимопомощь. До того, как Вадим всё собрал под «Искру».

Она показала экран.

Сообщение было короткое:

«Пражская. Прачечная 24. Мужчина, около 30. Заперся внутри. Был всплеск. Стекло цело. Людей не пускает. Полицию пока не вызвали».

Ниже — фотография вывески.

Я посмотрел на часы.

— Кто написал?

— Девушка из соседней пекарни. Она знает, куда писать, если происходит странное.

Руслан уже вставал.

— Адрес кидай.

Я закрыл ноутбук.

Вчера мы как раз составили инструкцию для таких случаев.

Она лежала у меня в телефоне.

Пункт первый: убрать обычных людей из зоны риска.

Пункт второй: не давить на пробуждённого.

Пункт третий: выяснить триггер.

Пункт четвёртый: не спорить рядом с тяжёлым оборудованием.

Последний пункт мы дописали после того, как Руслан спросил, что считать тяжёлым оборудованием, а Алина ответила: «Всё, что потом оплачивать».

До места ехали сорок минут. Москва не интересовалась нашими чрезвычайными обстоятельствами и стояла как обычно. Руслан ругался не на пробку, а на подменную «Шкоду»: у неё не работал подогрев сиденья и был слишком чувствительный тормоз. После машины, способной проходить сквозь шлагбаум, претензии звучали скромно, но он держался за них с достоинством.

Я по дороге перечитал старый чат взаимопомощи. Там было несколько сотен сообщений за два года. Сломанные лампочки. Лопнувшие трубы. Человек, который при страхе заставлял соседей забывать, зачем они пришли. Девушка, у которой в момент паники все зеркала в комнате покрывались инеем.

Большинство сообщений заканчивались одинаково: «человек успокоен», «запись удалена», «родственникам объяснили».

Иногда появлялось имя «Искра». Сначала как группа волонтеров. Позже — как место, куда «передали нового». Формулировка менялась незаметно.

Я показал Алине.

Она долго смотрела в экран.

— Раньше это было проще.

— Что именно?

— Мы приезжали, помогали и уходили. Потом людей стало слишком много. Понадобились квартиры, врачи, деньги. Вадим начал строить систему.

— И система решила, что люди входят в комплект?

Она ничего не ответила.

Перед прачечной я позвонил Зинаиде Петровне. Не потому что ожидал стратегического совета. Просто в чате писали, что мужчина внутри закрыл жалюзи, и никто не понимал, сколько там людей. У входа крутились голуби.

— Можете что-нибудь узнать?

— По телефону?

— Ну... через птиц.

Пауза была длинной.

— Никита, голубь — это не сотрудник наружного наблюдения.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. Голубь знает три вещи: где еда, где опасно и где можно нагадить.

Иногда порядок другой.

Я посмотрел на стаю возле урны.

— Но людей внутри он видел?

— Может быть. Если я его знаю. Я этих голубей не знаю.

— Вы знакомитесь с голубями?

— Не переводите тему.

В итоге она согласилась попробовать позже, если мы приведём ей одного конкретного свидетеля. Я представил, как ловлю голубя для допроса, и решил сначала использовать глаза.

Прачечная находилась на первом этаже жилого дома.

К нашему приезду возле входа стояли трое. Девушка в фартуке из пекарни. Пожилой мужчина с пакетом белья. И женщина, которая требовала вернуть ей вещи из третьей машинки, потому что «там итальянское постельное».

Изнутри доносился грохот.

Стеклянная дверь была закрыта.

За ней ходил молодой мужчина в серой футболке. Худой, небритый, босиком. Вокруг него работали стиральные машины.

Все сразу.
Даже пустые.
Барабаны крутились. Сушилки включались и выключались. Лампы мигали.
Ничего не летало. Уже хорошо.
— Электрика? — спросил я.
Алина покачала головой.
— Похоже на технику. Но не как у тебя.
— Очень успокаивает.
Женщина с постельным снова потянула дверь.
Мужчина внутри резко обернулся.
Сушилка у стены загудела так, что стекло задрожало.
Я отвёл женщину на два шага.
— Не надо.
— Там мои вещи.
— Сейчас они безопаснее вас.

Она посмотрела на меня как на идиота, но спорить не стала. Возможно, потому что сушилка снова ударила изнутри.

Я обошёл прачечную вокруг. Сбоку было маленькое окно подсобки, но жалюзи закрыты. Возле вентиляции валялась пластиковая корзина, выброшенная наружу через техническое окно. Края оплавилась.

Это добавляло в инструкцию ещё один смысл: не спорить рядом с промышленной сушилкой действительно стоило.

Я сделал фотографию для журнала. Не потому что любил отчёты. Просто за последние дни мне слишком часто говорили вещи, которые потом оказывались «немного не так». Фотография хотя бы не меняла показания из вежливости.

Мы попросили людей отойти за угол. Девушка из пекарни помогла. Женщина с постельным сначала отказалась. Потом одна из сушилок внутри сама открыла дверцу, и она передумала.

Руслан остался у входа. Алина проверила, нет ли воды возле розеток. Я почему-то отметил это отдельно: она первым делом думала не о магии, а о том, что людей может просто ударить током.

Хороший признак.
По инструкции требовалось установить контакт.
Я постучал в стекло.
Мужчина посмотрел.
— Меня Никита зовут.
Он ничего не ответил.
Я показал пустые руки.
— Мы не полиция.
Сзади Руслан тихо сказал:
— Пока.
Я обернулся.
— Помогает.
— Молчу.
Мужчина внутри подошёл ближе.
Глаза красные. Руки дрожат.
— Уходите.
— Хорошо. Только сначала скажи, что случилось.
— Ничего.

В этот момент четвёртая машинка включилась сама.
Ничего происходило громко.
Я сел прямо на мокрую ступеньку перед дверью.
По инструкции этого не было.
Но стоять перед запертым человеком и изображать специалиста я не хотел.
— У меня три дня назад кофе полетел в начальника, — сказал я.
Мужчина моргнул.
— Что?
— Сам. Без рук. Потом сломались жалюзи, замок и собеседование.
Он смотрел уже внимательнее.
Я продолжил. Рассказал про дрожь в кистях. Про то, как пытался дома двигать ложку и ничего не получалось. Про СФЕРУ. Не всё. Достаточно.
Мужчина сел на пол по другую сторону стекла.
Машинки постепенно начали останавливаться.
Его звали Сергей. Он работал ночным администратором в фитнес-клубе. Утром пришёл стирать форму, получил сообщение об увольнении и одновременно звонок от бывшей жены по поводу алиментов.
После этого техника решила поддержать разговор.
— Я не могу это выключить, — сказал он.
— Я тоже не мог.
— И что делать?
Вот тут инструкция закончилась окончательно.
Я мог сказать: «Успокойтесь». Самая бесполезная фраза в истории человечества.
Вместо этого попросил его выключить автоматы вручную.
Щиток находился внутри, возле подсобки.
Сергей боялся подходить. Я объяснил, какой автомат искать. Он сделал два шага — сушилка снова загудела. Остановился. Подождал. Ещё шаг.
Мы не торопили.
Через несколько минут он добрался до щитка и опустил главный рубильник.
В прачечной стало тихо.
Обычная механическая тишина оказалась лучшим достижением дня.
Алина нашла запасной ключ у владельца помещения, который жил в соседнем подъезде.
Сергей сам открыл дверь.
Мы не хватали его. Не окружали.
Просто дали воды и посадили на лавку возле пекарни.
Пока Сергей пил воду, я попробовал применить вчерашнюю таблицу уже не к себе. Получилось плохо.
Триггер: увольнение плюс семейный конфликт. Способность: воздействие на бытовую технику. Радиус — неизвестно. Откат — руки у него дрожали, губы побелели, но он сам не понимал, что именно болит.
Я посмотрел на строки и закрыл файл.
Живой человек действительно не помещался в таблицу.
Это не означало, что таблица бесполезна. Просто в ней не было колонки «человек сидит босиком на асфальте и думает, что теперь он опасен для собственного сына».
Сергей спросил, можно ли это вылечить.
Я честно сказал, что не знаю.
Он спросил, можно ли хотя бы научиться не ломать всё вокруг.
Тут я уже сказал да. Не потому что был уверен. Потому что вчера сам увидел пределы и понял: если есть правила, значит, можно учиться.

Сергей немного выдохнул.

Иногда человеку нужен не правильный ответ. Нужен ответ, после которого он не полезет обратно запираться среди сушилок.

Я уже начал думать, что всё прошло подозрительно нормально, когда подъехал чёрный микроавтобус.

Без логотипов.

Из него вышли двое знакомых по штабу «Искры».

Одного я видел вчера на тренировке. Второй был из службы безопасности.

Они подошли уверенно. Не грубо. Именно это раздражало.

— Мы заберём его, — сказал старший.

Сергей сразу напрягся.

— Куда?

— В безопасное место. Медицинский осмотр, оценка способности, временное размещение.

Всё звучало разумно.

Я уже слышал похожие слова.

— Он хочет? — спросил я.

Мужчина из «Искры» посмотрел на меня.

— Никита, это стандартная процедура.

— Я не про процедуру.

Сергей сидел, сжав бутылку воды.

— А домой можно потом?

— После оценки.

— Телефон оставят?

— На первое время лучше ограничить контакты.

Вот и всё.

Ни угрозы. Ни наручников.

Просто человек уже переставал принадлежать себе маленькими аккуратными кусками.

Я достал телефон.

Алина поняла раньше остальных.

— Есть другая линия.

Она открыла старый контакт — анонимный номер СФЕРЫ для экстренных случаев. Ещё с тех времён, когда обе стороны иногда не успевали переругаться раньше, чем кому-то требовалась помощь.

Мы описали ситуацию без фамилии Сергея.

Ответ пришёл через минуту: адрес медпункта, код приёма и пометка «без обязательной идентификации до стабилизации».

Мужчина из «Искры» нахмурился.

— Ты серьёзно собираешься отдать его СФЕРЕ?

— Я собираюсь дать ему выбор.

Я показал Сергею адрес.

Объяснил оба варианта.

Он выбрал медпункт.

Сам.

Руслан отвёз его.

Перед отъездом Сергей долго искал второй носок. Оказалось, тот застрял между двумя машинками во время всплеска.

Я помог достать шваброй.

Первое спасение мага в моей жизни закончилось тем, что мы вдвоём вытаскивали мокрый носок из-под промышленной сушилки.

Правильно.

Героизм вообще сильно переоценён.

Люди «Искры» уехали недовольными.

Старший перед этим сказал:

— Вадиму не понравится.

— Запиши меня на приём.

Он не улыбнулся.

Когда все разъехались, я открыл инструкцию и добавил новый пункт:

«Человек важнее процедуры».

Потом подумал и переписал проще:

«Помощь — не право собственности».

Эта формулировка осталась.

Вечером Карпов прислал сообщение.

Без приветствия.

Три фотографии.

На первой тот самый сотрудник «Искры» стоял возле двора, где две недели назад самопроизвольно взорвались витрины магазина.

На второй — другой вербовщик рядом с офисом после массового отключения света.

На третьей они оба садились в тот же чёрный микроавтобус.

Под фотографиями была одна строка:

«Случайность начинает повторяться».

Я посмотрел на время съёмки.

Оба инцидента произошли до приезда официальных служб.

Люди Вадима оказывались рядом слишком быстро. Быстрее, чем случайные волонтеры вообще должны успевать узнавать о чужой беде.

Я открыл вчерашний служебный пинг с «Контура».

Потом фотографии Карпова.

Потом снова пинг.

День, который должен был доказать, что моя таблица работает, доказал другое.

Проблема была уже не в том, что я не умел пользоваться магией.

Проблема была в людях, которые давно научились пользоваться магами.

Перед сном я ещё раз открыл инструкцию и добавил в самое начало одну строку:

«Сначала спросить, чего хочет сам человек».

Это выглядело очевидно.

Почему-то именно очевидные пункты чаще всего забывают, когда появляется форма, печать и кто-то с очень уверенным голосом. Особенно если этот кто-то уже решил за тебя, что именно будет лучше и для кого.

Глава 8

Вадим позвонил вечером.

Не написал. Позвонил.

Это уже было нехорошо.

Люди пишут, когда хотят оставить возможность сделать вид, что ничего не было. Звонят, когда хотят услышать голос и понять, насколько ты врёшь.

Я сидел у Зинаиды Петровны на кухне и разбирал фотографии Карпова. На подоконнике спал рыжий кот. На столе стояли чай, печенье и мой ноутбук. Нормальный набор для человека, который за четыре дня успел поссориться с тайной организацией и договориться о встрече с государственной службой.

Телефон завибрировал.

Алина посмотрела на экран.

— Возьмёшь?

— Если не возьму, он позвонит тебе.

— Не возьму я.

— Тогда Руслану.

Из комнаты донеслось:

— Я заблокирую.

Пришлось ответить.

Вадим говорил спокойно. Про прачечную не упомянул. Только сказал, что у него есть для меня простое поручение. Забрать посылку из автоматической ячейки раньше, чем туда доберутся люди СФЕРЫ.

— Почему я?

— Потому что обычного курьера уже пасут.

— А меня нет?

Пауза.

— Тебя пасут все.

Честный ответ.

Я посмотрел на Алину. Она покачала головой.

Я всё равно согласился.

Не потому что доверял Вадиму. Именно наоборот.

Если человек, которого я начал подозревать, сам предлагает принести мне неизвестную коробку, отказываться иногда глупо. Потом придётся долго искать ту же коробку по Москве.

Перед выездом я открыл инструкцию, которую Вадим прислал после звонка. Там было шесть пунктов и ни одного ответа на главный вопрос: что именно мы забираем.

Я написал ему.

Ответ пришёл быстро:

«Технический образец. Не вскрывать».

Это не успокоило.

Обычно фраза «не вскрывать» означает либо подарок, либо проблему. Подарки через многоступенчатую схему с чужим телефоном выдают редко.

Алина стояла у окна и читала тот же текст с моего экрана.

— Раньше так делали, когда боялись перехвата.

— Кто?

— Все. И мы, и СФЕРА.

— Прекрасно. Значит, схема проверена людьми, которые друг другу не доверяют.

Я взял две флешки, короткий сетевой кабель, старый телефон без SIM-карты и пауэр-банк. Руслан посмотрел на набор и спросил, не собираюсь ли я чинить ячейку на месте.

— Надеюсь, нет.

— Тогда зачем кабель?

— Потому что последние четыре дня всё странное рано или поздно просит кабель.

В квартире Зинаиды Петровны нашлась спортивная сумка. Она выдала её без вопросов, только заставила убрать из кармана пакет с сушёной мятой. Сказала, что магический заговор можно пережить, а испорченный чай — нет.

Уже у двери она посмотрела на нас троих и сказала:

— Если коробка тикает — не несите сюда.

Это был самый полезный инструктаж за утро.

Через двадцать минут мы ехали в сторону торгового центра возле Тульской.

Руслан снова был на своей машине. Сервис вернул её после замены патрубков и длинного разговора о перегреве. Руслан теперь прислушивался к каждому звуку двигателя, как молодой отец к дыханию ребёнка.

— Только без стен сегодня, — сказал я.

— Это я тебе должен говорить.

Алина сидела впереди и читала инструкции Вадима.

Они приходили частями.

Сначала адрес.

Потом номер ячейки.

Потом сообщение: «Код даст курьер у входа».

Через минуту ещё одно: «Курьер не знает, что внутри».

Ещё через две: «Не используйте свой телефон для подтверждения».

Я посмотрел на экран.

— Всё очень удобно.

Руслан хмыкнул.

— Нормальная доставка. Только наркотиков не хватает.

— Не накликай.

Торговый центр был обычный. Первый этаж — аптека, кофе, телефоны, островок с чехлами. Автоматические ячейки стояли возле супермаркета.

Рядом толкались люди с пакетами.

Это мне понравилось.

Чем больше обычных людей, тем меньше вероятность, что кто-то начнёт стрелять. Теоретически.

Курьер ждал у входа.

Молодой парень в зелёной куртке, с огромным квадратным рюкзаком за спиной. Он посмотрел на меня и спросил:

— Сергей?

— Нет.

— Тогда не вам.

Я показал кодовое слово из сообщения Вадима.

Парень сверился с телефоном.

— А, вы Никита.

Конспирация умерла тихо.

Он протянул бумажку с шестью цифрами.

— Мне сказали передать только это.

— Кто сказал?

— Поддержка.

— Какая?

Он пожал плечами.

— Я работаю через приложение.

И ушёл.

Я посмотрел на бумажку.

— Сильная организация.

Алина уже улыбалась.

— Не начинай.

— Нет, мне нравится. Тайная сеть использует человека, который думает, что выполняет обычный заказ.

— А как надо? Чёрный плащ?

— Хотя бы кодовое имя.

Перед тем как подходить к ячейкам, я сделал круг по этажу. Не потому что умел вести наружное наблюдение. Просто после четырёх дней беготни начал замечать людей, которые слишком долго стоят без причины.

У кофейни сидел мужчина с ноутбуком. Обычный. Возле аптеки женщина разговаривала по телефону. Тоже обычная. У выхода курил охранник. Всё выглядело нормально, и именно это теперь раздражало сильнее всего.

Алина спросила, что я ищу.

— Человека, который делает вид, что не смотрит на нас.

— Нашёл?

— Половина торгового центра.

Мы решили не изображать разведчиков и просто пошли дальше.

Мы подошли к ячейкам.

Номер 417.

Я ввёл шесть цифр.

Экран сообщил:

«Для подтверждения получения введите код из SMS».

SMS пришло на чужой номер.

Разумеется.

Я позвонил Вадиму.

Он не ответил.

Через минуту пришло сообщение:

«Телефон у курьера».

Курьер уже ушёл.

Руслан тяжело выдохнул.

— Догоню.

— Пешком быстрее.

Он посмотрел на меня так, будто я оскорбил машину.

Алина нашла курьера через приложение доставки. Оказалось, он успел принять новый заказ и стоял в кафе на втором этаже.

Мы поднялись.

Парень ждал бургер.

— Вам ещё что-то?

— На ваш телефон должен прийти код.

Он насторожился.

— Пароль от банка не скажу.

— И правильно.

Код действительно пришёл. Четыре цифры.

Мы спустились обратно.
Ввели.
Экран подумал и написал:
«Срок хранения истекает через 02:59».
— Что истекает? — спросил я.
Алина посмотрела на таймер.
— Видимо, терпение.
Я нажал «Открыть».
Система попросила подтвердить получение в приложении.
На чужом телефоне.
Курьер был наверху.
Я уже начал понимать, почему магия у меня запускается от технической паники.
Мы снова побежали к эскалатору.
Руслан остался возле ячейки. Сказал, что кто-то должен охранять устройство, которое мы ещё даже не получили.
Курьер увидел нас и перестал жевать.
— Мужики, вы точно не мошенники?
— Я тоже начинаю сомневаться.
Он открыл приложение.
Там висело окно:
«Оцените качество доставки».
Пять звёзд.
Пока не поставишь оценку — подтверждение не открывалось.
Приложение ещё попросило оставить комментарий.
Поле было обязательным.
Я написал: «Курьер жив, посылка пока тоже».
Система не приняла. Минимум двадцать символов.
Пришлось добавить: «Обслуживание соответствует обстоятельствам».
Только после этого появилась кнопка подтверждения.
Я посмотрел на курьера.
— Никогда не соглашайся работать на людей, которые строят конспирацию поверх маркетплейса.
— Я вообще-то суши вожу.
— Правильный выбор.
Он пожал плечами и вернулся к бургеру. Для него мы были просто странными клиентами. Я ему немного завидовал.
Я поставил пять.
— За что? — спросил курьер.
— За стойкость.
Мы подтвердили.
Вернулись вниз.
Таймер показывал сорок одну секунду.
Я нажал кнопку.
Дверца 417 открылась.
Внутри лежал серый блок размером с автомобильный аккумулятор. Без маркировки. Две ручки. Разъёмы под крышкой.
И наклейка службы доставки:
«Хрупкое».
Руслан посмотрел на меня.

— Не роняй.

— Спасибо.

Я взял блок.

Он был тяжёлый. Килограммов восемь.

В тот же момент экран ячейки предложил:

«Хотите повторить заказ?»

— Нет.

Экран завис.

Потом погасли сразу три ячейки рядом.

Внутри блока что-то щёлкнуло.

Я замер.

Перед глазами на секунду появились цветные пятна.

Не сейчас.

Техническая паника включилась быстрее, чем я успел её остановить.

Я почувствовал локальную сеть вокруг: терминал, контроллер дверей, камера, сам блок.

У блока было собственное сервисное меню.

Не на экране. Скорее ощущение структуры, как вчера на стенде.

Я поставил устройство на пол и открыл ноутбук.

Подключаться пришлось кабелем через маленький порт под крышкой.

Интерфейс появился сам.

Строки диагностики.

Тестовые каналы.

Параметры нагрузки.

Название проекта:

CASCADE_TEST_M2.

Я прочитал дважды.

— Алина.

Она подошла ближе.

— Что?

— У этой штуки имя.

— Какое?

— «Каскад».

Внутри снова щёлкнуло.

На экране появилась красная строка:

BEACON ACTIVE.

— Плохо? — спросил Руслан.

— Очень.

Маяк ушёл в сеть через терминал ячеек.

Я попытался его остановить. Не получилось. Локальная сеть уже отправила пакет.

Кто-то получил наше местоположение.

Вопрос был только кто первым.

Сервисное меню было грубым, техническим и потому внушало больше доверия, чем любая презентация Вадима. Устройства умеют врать только если кто-то заранее запрограммировал их врать.

Я просмотрел параметры.

Мощность импульса. Длительность. Радиус тестовой зоны. Состояние датчиков. Несколько строк были отмечены как «эмоциональная обратная связь», но значения шли только цифрами. Никаких мыслей, слов или профилей людей. Просто уровень нагрузки.

Это совпадало с тем, как Вадим описывал свой дар: усилить существующее напряжение, а не придумать его с нуля.

В одной строке стоял идентификатор оператора. Не имя. Код.
VS-01.

Совпадение с инициалами Вадима Селезнёва было слишком удобным, чтобы считать доказательством. Но я всё равно запомнил.

Ниже находились три предыдущих запуска. Один — возле торгового центра на севере Москвы. Второй — рядом с офисным кварталом. Третий — без адреса, только время.

Я вспомнил фотографии Карпова.

Слишком похоже.

Я быстро скопировал диагностический журнал на флешку.

В нём были даты запусков, номера тестов и часть адресов. Большинство зашифрованы. Но несколько строк читались нормально.

Один тест — сегодня.

Другой — завтра.

Третий помечен как METRO / MOBILE.

Я отключил кабель.

— Вадиму не отдаём.

Алина не спорила.

Руслан посмотрел на вход.

— Поздно обсуждать. У нас гости.

Через стеклянные двери вошли двое мужчин.

Не СФЕРА.

Я узнал одного из «Искры».

Того самого, который вчера хотел забрать Сергея.

Он увидел устройство возле моих ног и остановился.

Телефон завибрировал.

Вадим.

Я ответил.

— Нашёл?

— Нашёл.

— Тогда отдай ребятам.

Я посмотрел на людей у входа.

— Нет.

Пауза была длиннее обычного.

— Никита, это тестовое оборудование.

— Я уже понял.

— Оно опасно без настройки.

— Тоже понял.

— Ты не знаешь, что держишь.

— Поэтому и не отдаю.

Вадим вздохнул.

Не зло. Скорее устало.

— Мы можем обсудить это спокойно.

— Обсудим.

Я отключился.

Мужчины не двинулись. Видимо, приказ силой не забирать пока не поступил.

Это было хорошо.

И плохо.

Если Вадим не хотел сжигать мосты, значит, я ему всё ещё зачем-то нужен.
Я ожидал, что люди Вадима попробуют нас остановить. Они не попробовали.
Один только сказал:

— Ты делаешь ошибку.

Это прозвучало почти по-дружески.

— У меня неделя такая.

Он не пошёл за нами.

Пока мы шли через служебный коридор, я постоянно ждал удара, крика или хотя бы попытки вырвать сумку. Ничего. Двери открывались карточкой сотрудника магазина, которую Алина взяла у знакомой девушки на складе. Мы прошли мимо коробок с бытовой химией, тележек и грузового лифта.

Тайная операция внезапно пахла стиральным порошком.

На улице я понял, что отсутствие погони пугает сильнее погони. Если Вадим позволял мне уйти с устройством, значит, либо оно ему не так важно, либо он был уверен, что всё равно получит своё.

Оба варианта не радовали.

Мы вынесли блок через другой выход. Руслан заранее переставил машину ближе к служебной зоне. Никто не гнался.

Один из людей «Искры» только сфотографировал нас.

Очень цивилизованно.

Уже в машине я снова включил блок через изолированный аккумулятор.

Без сети.

Экран диагностики загрузился.

Внизу появилась новая строка, которой раньше не было.

NEXT TEST: 28:18:32

И рядом:

METRO MOBILE NODE.

Двадцать восемь часов восемнадцать минут.

Алина прочитала через плечо.

— Завтра вечером?

Я посмотрел на часы.

— Похоже на то.

Руслан завёл двигатель.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз Карпов.

Я не успел ответить.

В зеркале заднего вида зажглись фары чёрного седана.

Потом ещё одного.

Маяк сработал отлично. По крайней мере, одна часть этой дурацкой системы работала именно так, как обещала документация.

Сервис доставки можно было смело оценивать на пять звёзд.

Я положил ладонь на серый корпус. Он был холодный и совершенно обычный на ощупь. От этого становилось только неприятнее.

Самые опасные вещи редко выглядят как опасные. Иногда они выглядят как аккумулятор, иногда как договор на восемь страниц, иногда как человек, который очень спокойно объясняет, что всё делает ради твоего же блага и просит не задавать лишних вопросов до самого конца любой сделки с ним вообще теперь.

Глава 9

Утром я проснулся в машине Руслана.

Не специально.

Мы всю ночь возили серый модуль по Москве, пытаюсь решить, куда его деть так, чтобы не привести за собой ни «Искру», ни СФЕРУ, ни случайного сантехника, которому потом придётся объяснять, почему в подвале лежит оборудование с надписью CASCADE_TEST_M2.

Домой нельзя.

К Зинаиде Петровне нельзя.

Кафе Алины тоже нельзя.

В итоге Руслан поставил машину на круглосуточной мойке самообслуживания. Там всегда стояли люди, никто не задавал вопросов к багажнику, а камеры принадлежали частной фирме, которая хранила записи недолго.

Модуль лежал в спортивной сумке между канистрой незамерзайки и складным знаком аварийной остановки.

Я сидел на заднем сиденье и должен был просто закрыть глаза на десять минут.

Открыл через два часа.

Шея затекла. Во рту вкус дешёвого энергетика. На стекле передо мной кто-то написал пальцем «ПОМОЙ МЕНЯ».

Машина Руслана сама требовала уважения.

Алина спала впереди, уткнувшись в куртку. Руслан исчез.

Я нашёл его у автомата с кофе.

Он держал два стакана и смотрел на чёрный седан через дорогу.

— Давно стоит?

— С пяти тридцати.

— Наши?

— У меня нет своих.

Правильная позиция.

Через пять минут из седана вышел Карпов.

Один.

Без группы захвата, бронежилета и людей, которые кричат «работаем». В руках бумажный стакан кофе. На нём было написано название той же сети, где я впервые встретил Алину.

Я отметил совпадение и сразу решил, что схожу с ума.

Карпов подошёл к машине.

— Доброе утро.

— Сомнительное утверждение.

Он посмотрел на разводы от мойки на капоте.

— Сигнал маяка получили три стороны. Вы, «Искра» и мы.

— Вы четвёртая.

— Не начинайте.

Алина проснулась от голоса и сразу выпрямилась.

Карпов не попросил открыть багажник.

Это было неожиданно.

— Я предлагаю поговорить, — сказал он. — Без задержания.

— Это вы уже говорили.

— Тогда вы убежали.

— Значит, формулировка была недостаточно убедительной.

Он допил кофе.

— У меня есть помещение в десяти минутах. Камер снаружи минимум. Вы привезёте устройство сами. Оно останется под вашим контролем до завершения разговора.

Руслан посмотрел на меня.

Я посмотрел на Алину.

Она пожала плечами.

Планов лучше не было.

Помещение оказалось районным центром гражданской защиты.

На первом этаже висели плакаты про пожарную безопасность, действия при наводнении и правила использования противогаза. Если СФЕРА хотела запугать, интерьер выбрали странный.

Нас провели в маленькую переговорную.

Стол. Шесть стульев. Кулер. Старый проектор. На стене — схема эвакуации.

Руслан сел ближе к выходу.

Я поставил сумку с модулем под ноги.

Карпов принёс папку толщиной сантиметра три.

— Нет, — сказал я.

— Вы ещё не читали.

— Уже вижу объём.

Он положил папку на стол.

— Временное соглашение о добровольном сотрудничестве.

— Три сантиметра добровольности.

Карпов сел напротив.

— Сначала данные.

Он включил проектор.

Перед презентацией Карпов попросил отключить телефоны и положить их экраном вниз.

— Изымать нельзя, — напомнил Руслан.

— Я попросил выключить.

— Это другое.

Руслан выключил.

Я тоже. За последние дни мне впервые понравилось, что кто-то цепляется к формулировкам сильнее меня.

Карпов открыл отдельный ноутбук без доступа в интернет. Объяснил, что покажет только материалы, которые уже можно раскрыть нам без нарушения чужих дел. Это прозвучало скучно, а значит, правдоподобно. Настоящие государственные тайны, судя по всему, половину времени состоят из запрета пересылать таблицу не тем людям.

На стене появилась карта Москвы с точками.

За последние четыре месяца СФЕРА зафиксировала двадцать семь серьёзных инцидентов. Не все магические. Некоторые могли быть обычными авариями. Но в одиннадцати случаях рядом до происшествия или сразу после него появлялись люди, связанные с «Искрой».

У каждой точки были дата, время и короткое описание. Я быстро перестал смотреть на карту как на картинку и начал сравнивать интервалы.

В четырёх случаях первые сообщения в закрытых чатах появлялись раньше официальных вызовов. Где-то на пять минут. Где-то на двенадцать. Один раз — почти на полчаса.

— Может, у них просто хорошая сеть наблюдателей?

— Может, — сказал Карпов. — Поэтому это не доказательство.

Мне понравилось, что он не пытался продавать догадку как факт. В последнее время такой подход становился редкостью.

В двух инцидентах камеры за несколько минут до всплеска фиксировали людей с одинаковыми серыми кейсами. Номера машин не совпадали. Лица тоже. Кейсы — да.

На одном кадре человек ставил такой кейс возле электрощитовой.

Через одиннадцать минут в здании началась массовая паника из-за ложного сигнала тревоги, а трое людей впервые проявили способности.

Устройство потом не нашли.

Я узнал два адреса с фотографий.

Карпов показал ещё несколько.

Торговый центр. Офисное здание. Станция электрички. Закрытый склад.

Везде один и тот же рисунок: повышенная тревожность людей, сбои техники, несколько странных эффектов, потом быстрый приезд волонтёров Вадима.

— Вы считаете, они сами создавали инциденты?

— Мы считаем, что часть инцидентов была испытаниями.

На экране появились технические фотографии.

Небольшие устройства. Похожие на наш модуль, но проще.

— Изъяли два года назад?

— Нет. За последние шесть недель.

Я посмотрел на Алину.

Она побледнела.

Карпов переключил слайд.

Логотип форума «Контур».

Через несколько дней начинался закрытый монтаж и финальная настройка инфраструктуры. После этого доступ подрядчиков резко ограничивали. Публичное открытие было позже.

Десятки тысяч посетителей ожидали уже на открытии. Выставочные павильоны. Сцены. Демонстрации технологий. Сети связи, зарядные станции, временные серверные, системы контроля потока людей.

Наш кошмар с красивым брендингом.

— Почему форум? — спросил Руслан.

— Пока предположение. Большая плотность людей, высокий естественный стресс, сложная техническая инфраструктура.

— И мой служебный пинг, — сказал я.

Карпов посмотрел на меня.

Я понял, что проговорился.

— Какой пинг?

Вот теперь пришлось выбирать.

Я достал флешку.

Показал копию журнала.

Карпов читал молча.

Когда дошёл до KONTUR-SITE / NODE A-03, лицо у него не изменилось. Только пальцы перестали листать.

— Это уже не предположение, — сказал он.

— Пока это один узел и странная посылка.

— Поэтому нам нужно сотрудничество.

Он подвинул папку.

Я открыл первую страницу.

Первые два пункта выглядели нормально. Добровольная передача информации. Совместные действия при угрозе. Медицинская помощь.

На четвёртой странице начиналось интересное.

«Участник соглашается на техническое наблюдение в разумный срок».

Я поднял голову.

— Что такое разумный срок?

- По обстоятельствам.
- Нет такого срока.
- Есть юридическая формулировка.
- Именно поэтому и нет.

Карпов потёр переносицу.

Я продолжил.

Шестая страница: временный доступ к устройствам связи.

Седьмая: право ограничить перемещение при «достаточных основаниях».

Девятая: хранение данных о проявлениях способности.

Двенадцатая: возможность продления соглашения без повторного подписания в случае режима угрозы.

Я закрыл папку.

— Это пользовательское соглашение. Только вместо рекламной рассылки вы получаете человека.

Карпов посмотрел на часы.

— У нас мало времени.

— Тогда надо было принести документ короче.

Алина тихо усмехнулась.

Я попросил ручку.

Карпов дал обычную синюю.

— Карандашом нельзя?

— Почему?

— Чтобы потом не исчезло.

Он посмотрел на меня.

— Никита Сергеевич, вы смотрите слишком много плохих сериалов.

— Последние дни я в них живу.

Мы договорились, что все изменения вносятся в электронную версию при нас, потом печатаются заново. Старые листы Карпов перечеркнул и оставил на столе, а не забрал.

Это было мелочью. Но доверие вообще редко появляется большими кусками. Обычно сначала человек просто не уносит бумагу, которую мог бы унести.

Мы начали править.

Сначала убрали бессрочное наблюдение. Срок — три дня, продление только отдельным письменным согласием.

Потом изъятие имущества. Никаких телефонов, ноутбуков и машины без отдельного основания и акта.

Руслан включился именно на машине.

— Отдельно запишите.

Карпов посмотрел на него.

— Что именно?

— Что транспорт не изымается.

— И так следует из имущества.

— Мне не нравится слово «следует».

Записали отдельно.

Алина потребовала защиту для кафе и отсутствие автоматической регистрации Сергея из прачечной, если он добровольно пришёл в медпункт.

Карпов согласился после звонка.

Я добавил пункт: никто из нас не задерживается за прошлые эпизоды добровольной помощи без отдельного решения.

Карпов вычеркнул половину фразы и переписал юридически.

Смысл остался.

Мы спорили почти час.

В какой-то момент сотрудница центра принесла чай и спросила, сколько нас будет на обед.

Карпов ответил:

— Неизвестно.

Она посмотрела на папку.

— Тогда закажите до одиннадцати. Потом кухня не примет.

Государственная тайна государством, а график столовой сильнее.

Самым неприятным оказался пункт о наблюдении. СФЕРА хотела иметь право получать наши координаты при активном магическом инциденте. В обычной ситуации я бы послал человека с такой просьбой далеко. Сейчас в багажнике лежала штука с маяком, а рядом готовился «Каскад».

Мы сошлись на компромиссе: никакого постоянного трекинга. Только временный маяк, который включается вручную перед согласованной операцией, и только на отдельном устройстве СФЕРЫ.

— Выключатель у меня, — сказал я.

— У нас.

— Тогда нет.

Карпов подумал.

— Два выключателя. Ваш и наш.

— Уже лучше.

Руслан спросил, что будет, если устройство забудут выключить.

Карпов ответил, что журнал работы доступен обеим сторонам.

Руслан кивнул.

Я записал себе отдельно: «проверить журнал».

Привычка доверять после подписи у меня не появилась.

К концу переговоров документ похудел на четыре страницы.

Я перечитал ещё раз.

— Скрытых чекбоксов нет?

Карпов не понял.

— Что?

— Ничего.

Я подписал.

Алина — после меня. Руслан расписался так, будто подтверждал получение груза.

Карпов поставил свою подпись последним.

— Теперь условия с вашей стороны, — сказал он.

— Какие?

— Трое суток. Нам нужно доказательство подготовки атаки, а не только тестов. Маршрут узлов, схема, цель или прямое распоряжение.

— А если не найдём?

— Тогда мы всё равно остановим форумные системы, которые сможем обосновать. Но без доказательств Вадим уйдёт глубже, а часть его людей разбежится вместе с оборудованием.

Это звучало неприятно и разумно.

— Почему три дня?

Карпов переключил проектор.

На экране было расписание форума.

До начала закрытого монтажного окна оставалось меньше четырёх суток. После него оборудование разойдётся по павильонам, а доступ подрядчиков резко ограничат.

— Потому что потом поздно.

Я посмотрел на серый модуль у ног.

— И что с этим?

— Пока у вас.

— Вы серьёзно?

— Вы настояли на контроле имущества.

Руслан кивнул.

— Правильно.

Иногда юридическая победа приходит слишком буквально.

Карпов достал телефон и прочитал сообщение.

Лицо стало жёстче.

— Есть ещё одна проблема.

Он показал нам фотографию экрана мониторинга.

Похожий служебный сигнал на несколько секунд появился в сети метро и исчез. Не сам тест — подготовительный обмен. Кто-то проверял, видит ли мобильный узел нужные локальные системы.

— Где?

— Точную точку не успели определить. Сигнал перемещался.

Я вспомнил строку на модуле.

METRO MOBILE NODE.

— По нашему таймеру полноценный тест завтра вечером.

Карпов кивнул.

— Да. Но подготовительное окно уже открыто. Следующий служебный выход ожидаем через несколько часов. Если они начнут менять маршрут или оборудование, мы можем потерять след.

Алина выругалась.

У нас было меньше суток, чтобы понять, что именно они готовят, и чуть больше — чтобы оказаться рядом в момент запуска. Неудобно, но хотя бы не нужно было прямо сейчас бежать в метро с коробкой и надеждой.

Карпов встал.

— Соглашение вступило в силу.

Руслан тоже поднялся.

— А обед?

Карпов посмотрел на него.

— Не успеваем.

Руслан тяжело вздохнул.

— Вот поэтому я государству и не доверяю.

Мы вышли из переговорной уже не беглецами и не союзниками. Скорее временными партнёрами, которые заранее проверили, где лежат запасные выходы.

Что-то среднее.

У меня в кармане лежала копия соглашения, в багажнике — чужой модуль, а впереди — тест в метро, который кто-то назначил на обычный рабочий день.

По дороге к выходу Карпов выдал нам три временных пропуска. На каждом было написано «Технический консультант».

Я посмотрел на свой.

— Это официально?

— Настолько, насколько нужно дежурному на объекте.

— То есть нет.

— То есть не теряйте.

Я убрал пропуск в кошелёк рядом с банковской картой и дисконтной картой супермаркета. Очень подходящее место для нового этапа карьеры.

Перед выходом мы отдельно записали, что тестовый модуль пока остаётся у нас, но СФЕРА получает копию журнала и серийный номер. Карпов сфотографировал пломбу на корпусе и заставил меня расписаться на листе передачи копий.

— Теперь это улика?

— Теперь это предмет, происхождение которого можно доказать.

— Звучит гораздо скучнее.

— В суде скучное обычно полезнее красивого.

С этим спорить было трудно. Особенно после последних дней, где красивых объяснений уже хватало с очень большим запасом.

Москва умела создавать стресс и без магии.

Кто-то просто решил улучшить сервис.

Глава 10

После встречи с Карповым у нас было два плана.

Первый — выспаться.

Второй — не умереть до того, как получится выполнить первый.

Алина добавила третий: заехать в кафе.

Она почти не появлялась там несколько дней, и заведение держалось на сменщице, двух бариста и сообщениях в рабочем чате. По словам Алины, это уже начинало напоминать управление страной из эмиграции.

Мы приехали ближе к полудню.

Снаружи всё выглядело нормально. Столики заняты. На витрине выпечка. Кофемолка шумит. Люди сидят с ноутбуками и делают вид, что работают.

Я даже расслабился.

Зря.

У стойки стояли трое незнакомых людей.

Один мужчина в хорошем пальто держал папку с логотипом управляющей компании. Рядом женщина в светлой куртке и бахилах листала какие-то бумаги. Третий фотографировал огнетушитель.

Алина остановилась.

— Нет.

— Знакомые?

— Хуже. Проверка.

Она пошла к стойке.

Мужчина в пальто представился сотрудником арендодателя. Женщина — специалистом по санитарному контролю, пришедшим по жалобе. Третий оказался техником по пожарной автоматике.

Только техник был от Карпова.

Я понял это по тому, как он посмотрел на меня и едва заметно коснулся временного пропуска под курткой.

Очень тонкая маскировка.

Если знаешь, куда смотреть.

— Какая жалоба? — спросила Алина.

Женщина открыла планшет.

Анонимное сообщение. Нарушение хранения продуктов. Возможное использование неизвестных добавок в напитках. Жалоба на странный привкус и «неестественное изменение консистенции».

Я посмотрел на Алину.

Она на меня.

Вот и магия добралась до общепита официальным путём.

— Когда поступила? — спросил я.

Женщина посмотрела на меня.

— А вы кто?

Я достал временный пропуск СФЕРЫ.

Там было написано «технический консультант».

— Технический консультант.

— По санитарии?

— К сожалению, уже почти по всему.

Она не оценила.

Мужчина от арендодателя тем временем потребовал журнал уборки, журнал температур холодильников, договор на вывоз отходов и подтверждение обслуживания вентиляции.

Бариста за стойкой полезла в шкаф.

— Какой журнал температур?

Алина закрыла глаза.

— Синий.

— У нас два синих.

— Тот, который не про уборку.

— Про уборку зелёный.

— Тогда второй синий.

Я отошёл к дальнему столику.

Лучшее, что можно сделать во время проверки общепита, — не мешать человеку, который знает, где лежит второй синий журнал.

Телефон завибрировал.

Карпов.

«Рядом активировался слабый маяк. Не ваш модуль. Радиус — здание или соседнее помещение. Группа на месте».

Я посмотрел на техника у огнетушителя.

Он продолжал фотографировать датчик дыма.

Понятно.

Я подошёл к Алине и тихо показал сообщение.

Она не изменилась в лице.

Только поставила стакан на стойку чуть сильнее.

Внутри стакана был чай для клиента.

Чай качнулся.

Потом перестал.

— Спокойно, — сказал я.

— Не говори мне «спокойно».

Правильно.

Проблема была не только в документах.

Алина нервничала.

Я понял это по сиропу.

В прозрачной бутылке за стойкой карамель медленно поднялась по стенке вверх, хотя бутылка стояла ровно. В соседнем кувшине молоко пошло мелкой рябью.

Алина заметила одновременно со мной.

Подошла к стойке, поставила ладонь на столешницу и сделала вид, что проверяет порядок бутылок.

Сироп медленно опустился.

Молоко успокоилось.

Потом в чашке у кофемашины пена вдруг стала слишком плотной и поднялась шапкой сантиметра на три. Бариста удивлённо посмотрела.

— Новый рецепт?

— Нет. Переделай.

Алина забрала чашку сама, вылила кофе в мойку и открыла воду. Поток на секунду выгнулся в сторону, будто хотел обойти слив. Она стиснула пальцы, и вода пошла нормально.

Я видел, как у неё сводит кисть.

Она спрятала руку в карман фартука.

Проверяющая ничего не заметила.

Пока.

Я впервые понял, насколько неприятно жить с силой, которая выдаёт тебя именно тогда, когда нужно выглядеть максимально обычным. У меня хотя бы переговорные ломались редко. Алина работала среди жидкостей каждый день.

Женщина из санитарного контроля как раз попросила образец напитка по жалобе.

Бариста взяла тот же стакан.

— Этот подойдёт?

— Это заказ клиента, — сказала Алина.

К стойке подошёл мужчина в наушниках.

— Мой чай готов?

Все посмотрели на стакан.

Чай за одну минуту стал заказом, санитарным образцом и потенциальной уликой.

Я предложил приготовить новый.

Женщина сказала, что нужен напиток из текущей партии.

Клиент сказал, что опаздывает.

Алина сказала, что вернёт деньги.

Клиент отказался, потому что ему нужен чай.

Техник СФЕРЫ тихо сообщил, что этот стакан нельзя уносить, пока он не проверит, нет ли рядом источника сигнала.

На секунду все замолчали.

— Какого сигнала? — спросила санитарный специалист.

Техник посмотрел на меня.

Я посмотрел на него.

— Пожарного, — сказал он.

Карпов явно подбирал людей за способность сохранять лицо.

В итоге клиент получил другой чай бесплатно. Первый забрали как образец. Алина записала компенсацию в кассу. Мужчина от арендодателя потребовал акт списания.

Я начал понимать, почему некоторые люди уходят жить в лес.

Пока проверка занимала Алину, я пошёл к служебному компьютеру.

Камеры кафе хранили архив локально. За последние сутки часть записей пропала.

Не вся.

Ровно три часа ночного времени.

Удаление выглядело аккуратно. Слишком аккуратно для обычного сбоя.

Я открыл журналы системы.

Доступ был с учётной записи администратора.

Алина подошла на минуту.

— Пароль только у меня и у управляющего.

— Меняла недавно?

— Месяц назад.

— Управляющий знает новый?

— Нет.

— Значит, либо ты ходишь во сне, либо кто-то вошёл иначе.

Она посмотрела на экран.

— Восстановишь?

— Попробую.

Файлы удалили, но диск не успел полностью перезаписать данные. Я запустил восстановление.

Обычное. Без магии.

После последних дней приятно было решать проблему способом, за который не болит голова.

Восстановление шло медленно. На экране ползла полоска прогресса, за спиной кто-то спорил про дату последней дезинфекции, а я каждые десять секунд проверял, не зависла ли программа.

Один из бариста принёс мне кофе.

— От заведения.

— Я теперь боюсь кофе.

— Тогда чай.

— Его уже изымают.

Он посмотрел на проверяющих и ушёл без комментариев. Хороший сотрудник. Умеет распознавать момент, когда лучше не задавать вопросы.

Алина принесла папку с договорами и положила рядом. Между листами обнаружился старый акт обслуживания сети. Подрядчик был тот же, что раньше работал с «Импульсом», официальной вывеской «Искры».

— Это когда подписывали?

— Год назад. Я тогда ещё считала, что это просто свои помогают своим.

В договоре не было ничего странного. Обычное обслуживание камер и Wi-Fi. Но оно объясняло, откуда у человека Вадима могли остаться схема сети, старый ключ и знание, где стоит технический шкаф.

Не магия.

Просто доступ, который никто вовремя не закрыл.

Такие дыры я понимал лучше любых проклятий.

Пока программа работала, я проверил сеть камер.

Один контроллер отвечал медленнее остальных.

Сигнал маяка снова появился.

На этот раз я почувствовал его раньше сообщения Карпова.

Лёгкое давление за глазами. Сеть будто стала объёмной. Камеры, касса, роутер, контроллер вентиляции. И ещё один узел.

Неизвестный.

В техническом шкафу за кухней.

Я тут же отключился.

Вчерашняя мигрень ещё сидела где-то рядом. Второй раз лезть в режим электроники без нужды я не собирался.

Подошёл к технику СФЕРЫ.

— Шкаф за кухней.

Он понял сразу.

Проблема была в женщине из санитарного контроля.

Она как раз проверяла кухню.

Алина попыталась отвлечь её холодильником с молоком. Мужчина от арендодателя в этот момент нашёл просроченную отметку в журнале вентиляции. Бариста уронила коробку салфеток.

Начался обычный рабочий бардак, в котором тайной операции нашлось прекрасное место.

Я прошёл в технический коридор вместе с пожарным техником якобы проверять датчики.

Шкаф был заперт.

Ключ висел у управляющего сменой.

Управляющим сменой сегодня была девушка, которая в этот момент доказывала проверяющей, что температура в холодильнике была записана в другом журнале.

Мы ждали семь минут.

Потом получили ключ.
Внутри шкафа стоял небольшой серый блок.
Меньше того, что мы забрали из ячейки. Размером с толстый роутер. Подключён к питанию и сетевому разветвителю камер.
Тестовый модуль.
Второй.
Техник сфотографировал всё до отключения.
Я не трогал устройство руками.
Научился.
Мы обесточили его обычным выключателем.
Маяк пропал.
Восстановление архива закончилось через двадцать минут.
Из трёх часов удалось вернуть почти сорок минут видео.
Этого хватило.
На записи в 03:17 в кафе вошёл мужчина в рабочей куртке. Открыл служебную дверь ключом. Прошёл к техническому шкафу.
Лица почти не видно.
Но на выходе он повернулся к камере.
Я узнал его.
Один из людей «Искры», которых видел в штабе.
Не тот, что был у прачечной. Другой. Он помогал разгружать оборудование в тренировочном зале.
Алина тоже узнала.
Села рядом.
Несколько секунд молчала.
— Он раньше ремонтировал нам сеть.
— Поэтому у него был ключ?
— Старый. Я думала, его забрали.
Вот и ещё один маленький долг из прошлого, который решил вернуться.
Мы скопировали видео в трёх экземплярах.
Один Карпову. Один мне. Один Алине.
Проверка закончилась хуже, чем хотелось, но лучше, чем могла.
Санитарный специалист не нашла никакой опасной добавки. Зато обнаружила нарушение в зоне кухни: часть маркировки на контейнерах была оформлена неправильно, а журнал температур вёлся с пропуском.
Самое обидное — нарушения действительно были. Небольшие. Обычные. Такие, которые в нормальный день закрывают замечанием и исправляют за вечер. Но после анонимной жалобы специалист решила действовать строго по форме.
Алина не спорила. Только попросила перечислить всё письменно, без фраз «и прочее».
Женщина удивилась, потом перечислила. Маркировка двух контейнеров. Пропуск записи температуры за вчерашний вечер. Неправильно оформленная замена фильтра.
Я записал каждое замечание отдельно.
— Зачем? — спросила Алина.
— Чтобы завтра не появилось четвёртое.
Она кивнула.
Вот так я внезапно стал техническим консультантом по магии, камерам и пищевым контейнерам. Карьера развивалась быстрее, чем хотелось.
Кухню временно закрыли до повторного осмотра.
Кофе и чай можно было продавать. Еду — нет.

Мужчина от арендодателя выдал отдельное предупреждение по вентиляции.

Алина подписала бумаги молча.

Когда все ушли, она села за стойкой и посмотрела на пустую витрину с сэндвичами.

— Знаешь, сколько я сюда вложила?

Я не знал.

Она назвала сумму.

Я присвистнул.

— Да.

— И всё это можно прикрыть одной жалобой и одним идиотом с коробкой.

Она не плакала. Не ругалась.

Просто сидела и смотрела на своё кафе.

Вот тогда конфликт впервые перестал быть моей личной проблемой.

До этого я мог представить, что уйду. Спрячусь. Уволюсь. Поменяю номер. Сделаю вид, что магии нет.

Алина уже вложила в обычную жизнь всё, что у неё было.

И кто-то использовал это место как испытательный стенд.

Карпов приехал лично через сорок минут.

Осмотрел модуль, видео и документы.

Говорил только по делу.

— Устройство изымаем по акту.

— Копия журнала мне, — сказал я.

— Да.

— Видео остаётся у Алины.

— Да.

— Кухню вы откроете?

— Нет.

Алина подняла голову.

Карпов продолжил:

— Это не наше решение. Но обеспечим повторную проверку без искусственной задержки.

Именно такой ответ почему-то вызывал больше доверия, чем обещание «всё решим».

Алина встала.

— Тогда кафе становится нашей базой.

Карпов посмотрел вокруг.

— Здесь публичное место.

— После закрытия.

— Есть камеры.

— Мы ими управляем.

— Есть персонал.

— Отправляю домой.

Он подумал.

— Допустимо как временная точка работы.

Я усмехнулся.

— Романтика подполья умерла окончательно.

Алина открыла служебный календарь, чтобы отменить вечерние заказы кухни.

Листала бронь за бронью.

Потом остановилась.

На сегодня после закрытия стоял один столик.

23:30.

Четыре человека.

Имя брони:

«В. Селезнёв».

Мы втроём посмотрели на экран.

Алина медленно сказала:

— Я это не принимала.

В календаре бронь появилась ночью.

В 03:22.

Через пять минут после того, как человек «Искры» поставил модуль в технический шкаф.

Карпов посмотрел на меня.

Я — на Алину.

Руслан, который всё это время сидел у окна с кофе, поднял стакан.

— Ну хоть стол заказали заранее.

Первый нормальный поступок за день. Я даже не стал спорить: на фоне остального временная бронь действительно выглядела почти проявлением воспитания.

Я посмотрел на закрытую кухню, серый модуль на столе и бронь в календаре.

Утром мы подписывали соглашение о сотрудничестве. К обеду получили вторую улику, закрытую кухню и встречу с человеком, которого уже начали считать противником.

Неплохой результат для команды, которая ещё несколько дней назад друг друга не знала.

Плохой — для людей, которые собирались просто пожить спокойно хотя бы пару обычных спокойных дней подряд без новых сюрпризов.

Глава 11

К одиннадцати вечера кафе выглядело так, будто пережило небольшую войну и теперь пыталось сделать вид, что всё по плану.

Кухня была опечатана. На витрине стояли только напитки, фабричное печенье и один пакет орехов, срок годности которого я проверил дважды. После сегодняшней проверки я начал относиться к наклейкам серьезнее, чем к людям.

Первый тестовый модуль из камеры хранения мы передали Карпову час назад. Не просто отдали — оформили акт, сфотографировали пломбы, сверили номера и отдельно записали, что копия журнала остаётся у меня.

Я раньше думал, что бюрократия существует, чтобы мешать жить. За последние дни выяснилось: иногда она нужна, чтобы потом никто не сказал, что серую коробку ты придумал сам после двух бессонных ночей.

Карпов оставил двух сотрудников снаружи. Внутри кафе людей СФЕРЫ не было.

— Если Вадим увидит засаду, разговор закончится раньше, чем начнётся, — сказал он.

— А если он увидит меня?

— Это уже его личная проблема.

На этом мы и разошлись.

Перед тем как уйти, Карпов забрал меня в подсобку и ещё раз проговорил правила. Не задерживать. Не провоцировать. Не пытаться вытащить признание. Не использовать внушение.

— Даже если очень захочется?

— Особенно если очень захочется.

— У вас памятка есть?

— Уже пишут.

Я поверил. В СФЕРЕ на всё рано или поздно появлялась памятка. Возможно, существовала отдельная должность человека, который сидел и придумывал, как правильно оформить конец света в трёх экземплярах.

Карпов положил на стол маленький передатчик.

— Не диктофон. Тревожная кнопка. Нажмёте — зайдём.

— А если разговор станет просто неприятным?

— Терпите.

— Хорошая государственная программа.

Я сунул кнопку в карман. Там уже лежали ключи, банковская карта и чек за кофе. Вся моя новая жизнь помещалась рядом с мелочью.

Карпов посмотрел на Алину.

— Вы можете отменить встречу. Это ваше помещение.

Она покачала головой.

— Нет. Если он пришёл сюда после модуля, я хочу понять зачем.

Карпов кивнул и вышел.

Руслан сидел у окна и пил третий кофе за вечер. Машина после истории с парковкой и шлагбаумом всё ещё иногда пахла перегретым пластиком, поэтому он относился к чужому кофе как к бесплатной компенсации от мироздания.

Зинаиду Петровну мы отправили домой. Она возражала минут пять, потом заявила, что взрослые мужчины должны хотя бы раз попробовать попасть в неприятности самостоятельно.

Алина проверяла столик с бронью.

Четыре стула. Четыре чашки. Сахар. Вода.

— Печенье ставить? — спросила она.

— Обязательно. Вдруг революция затянется.

Она хмыкнула.

Напряжение между нами никуда не делось, но пока было не про отношения. Скорее про модуль, найденный в её техническом шкафу, и человека, который назначил встречу в её же кафе, будто ничего не произошло.

В 23:27 Руслан поднял взгляд от телефона.

— Серый микроавтобус остановился через дом.

— Наши?

— Наши в чёрной машине. Серый другой.

Я посмотрел на часы.

В 23:30 дверь открылась.

Вадим вошёл первым.

Без пальто, в тёмном свитере и обычных джинсах. С ним были трое: женщина лет тридцати пяти с планшетом и двое мужчин помоложе. Одного я уже видел в штабе «Искры» возле стоек с оборудованием. Второй был незнаком.

Никаких сумок с оружием, охраны в наушниках и злодейской музыки.

Обычные люди пришли на официально забронированный стол.

В этом было что-то особенно неприятное.

Вадим осмотрел зал, пустую витрину, закрытую кухню и сел.

— Рад, что бронь не отменили.

Алина осталась за стойкой.

— Мы воспитанные.

— Это редкое качество.

Он знал.

По тому, как спокойно посмотрел на дверь кухни и технический коридор, стало понятно сразу: знал, что модуль перестал отвечать. Возможно, знал и об изъятии.

Я сел напротив.

— Странное место для встречи после того, как у нас нашли вашу коробку.

— Мою?

— Не начинай.

Вадим чуть улыбнулся.

— Хорошо. Не буду.

И именно поэтому я насторожился сильнее.

Женщина с планшетом разложила перед собой четыре небольшие анкеты.

— Мы собирались провести закрытую ориентацию для новых участников сети, — сказала она. — Место было забронировано заранее.

— Ночью. Через пять минут после установки устройства.

Она посмотрела на Вадима.

Тот ответил вместо неё:

— Модуль должен был дать нам техническую картину помещения. Никакого вреда посетителям.

— Конечно. Он просто случайно лежал рядом с кофемашиной и собирался любоваться интерьером.

Алина поставила перед ним воду.

Не кофе.

Я это отметил.

Вадим тоже.

Он не спорил.

— Никита, — сказал он, — я пришёл не убеждать вас, что ничего не произошло. Пришёл понять, что произошло с вами.

— Со мной всё хорошо. Работы нет, за мной следят две организации, а в знакомом кафе находят магическую технику. Обычная неделя.

Женщина с планшетом посмотрела на меня так, будто не поняла, шучу я или жалуясь.

Я и сам не был уверен.

Она раздала анкеты.

Я взял свою.

Имя. Возраст. Контакт.

Дальше становилось интереснее.

Профессия.

Текущий работодатель.

Рабочие помещения, к которым есть доступ.

Тип электронных систем, с которыми работаешь.

Наличие пропусков в закрытые зоны.

Тип дара.

Ограничения.

Я перечитал последние пункты.

Это была не анкета клуба взаимопомощи.

Так заполняют таблицу ресурсов.

Руслан через два стола тоже получил лист. Посмотрел на графу «рабочий транспорт» и поднял бровь.

— Номер машины тоже писать?

— По желанию, — ответила женщина.

— Тогда не хочу.

Он отложил ручку.

Один из молодых мужчин заполнил всё быстро. Электромонтаж. Допуск в технические помещения торговых центров. Дар — что-то связанное с температурой металла.

Второй работал системным администратором у подрядчика выставочных площадок.

Вот тогда у меня внутри неприятно сложились две детали.

Не маги по интересам.

Специалисты по доступу.

Вадим собирал не сообщество. Он собирал команду, которая умела входить туда, куда обычных людей не пускают.

Я написал только имя и профессию.

Остальное оставил пустым.

Женщина с планшетом не торопила. Она отмечала ответы и задавала уточнения только там, где человек сам соглашался говорить. Это тоже было сделано умно. Никаких анкет под лампой, никаких угроз. Человек сам рассказывал, чем занимается, где работает и что умеет. Ему даже казалось, что он просто знакомится с будущими друзьями.

Я наблюдал за двумя мужчинами.

Электромонтажник рассказывал, что работает по объектам торговых центров и иногда получает временные пропуска в закрытые помещения. Второй обслуживал серверные стойки на выставках. Оба говорили об этом спокойно. Для них «Искра» пока была местом, где можно не прятать дар и не ждать визита людей в костюмах.

И я их понимал.

Если бы неделю назад мне показали такое помещение, нормальных людей, кофе и список врачей, я бы тоже выдохнул. Возможно, подписал бы половину бумаг, не читая. Особенно после Карпова с удостоверением и словом «регистрация».

Вадим строил систему не на страхе. На облегчении.

Сначала человеку давали комнату, врача, работу, объяснение. Потом просили заполнить ещё одну графу. Потом помочь на одном мероприятии. Потом, наверное, уже становилось неловко спрашивать, зачем именно твой пропуск нужен в технический коридор.

Я посмотрел на свою пустую анкету.

Очень взрослая схема. Без цепей и подземелий. Люди сами приносили ключи.

— Не доверяете? — спросила женщина.

— Форме — точно нет.

— Это внутренняя информация.

— Именно поэтому и не доверяю.

Вадим поднял ладонь, останавливая её.

— Пусть.

В зале стало душновато.

Я сначала решил, что кондиционер опять барахлит. Потом понял: дело не в воздухе.

Руслан перестал лениво листать телефон. Мужчина-электрик начал постукивать пальцами по столу. Алина поставила чашку чуть резче, чем нужно.

Напряжение уже было. После сегодняшнего дня его хватило бы на весь подъезд.

Но рядом с Вадимом оно вдруг стало плотнее.

Не чужим.

Нашим же — только выкрученным чуть сильнее.

Я вспомнил описание его дара.

Групповой резонанс.

Он ничего не создавал. Просто прибавлял громкость тому, что уже было.

Я посмотрел ему в глаза.

Он понял.

И убрал давление.

Очень аккуратно.

У Руслана пальцы перестали стучать по телефону.

— Красиво, — сказал я.

— Что именно?

— Ничего.

Вадим улыбнулся.

От этого легче не стало.

Разговор продолжился почти мирно.

Женщина рассказывала о сети поддержки, безопасных квартирах, врачах, юридической помощи. Всё это у «Искры» действительно было. В этом и заключалась проблема: нельзя было просто объявить их кучкой психов и успокоиться.

Они помогали людям.

И одновременно собирали информацию о профессиях, доступах и способностях.

Два этих факта прекрасно существовали вместе.

Один из молодых мужчин попросил кофе. Алина поставила чашку.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Мы встречались.

Она замерла на долю секунды.

— Возможно.

— На старой базе. Ещё когда всё было в мастерской.

Вадим перевёл взгляд на Алину.

Она не ответила.

Мужчина продолжил:

— Вы тогда с жидкой частью помогали.

Стало тихо.

Руслан перестал пить.

Я повернулся к Алине.

Она смотрела на чашку в руках молодого мужчины.

Вадим сказал спокойно:

— Алина много сделала для ранней системы. Тогда мы все делали что могли.

— Какой системы? — спросил я.

— Не сегодня.

Ответила Алина.

Не Вадим.

Это было хуже.

Вадим не стал давить.

Он просто дал фразе остаться между нами.

Хороший приём. Человеку не обязательно врать. Иногда достаточно знать, когда замолчать.

Я поймал себя на том, что снова машинально считаю варианты. Спросить сейчас — получу либо половину правды, либо скандал при Вадиме. Промолчать — дать ему именно то, чего он добивался: трещину между нами.

В итоге я тоже промолчал. Не потому, что простил или поверил. Просто не хотел делать его работу за него.

Это решение оказалось неприятнее любой красивой реплики.

К тому моменту я успел понять ещё одну вещь: Вадим почти не задавал прямых вопросов. Он смотрел, кто отвечает за другого, кто первым тянется к анкете, кто нервничает при слове «доступ». Похоже, проверяли не только наши документы. Проверяли нас самих.

К половине первого встреча закончилась.

Анкеты собрали. Моя осталась почти пустой.

Руслан в графе «особые навыки» написал: «не люблю анкеты».

Женщина с планшетом прочитала и ничего не сказала.

Я уважал её выдержку.

Перед уходом Вадим задержался возле моего столика.

— Вы сотрудничаете с Карповым.

Это прозвучало не вопросом.

— Я сотрудничаю с теми, кто пока не просит меня устраивать массовые нервные срывы.

— Карпов попросит другое. Контроль. Регистрацию. Ограничения.

— А ты просишь профессию, пропуск и список доступов.

Он посмотрел на незаполненную анкету.

— Справедливо.

Потом достал обычную визитную карточку. На обороте ручкой было написано время.

Завтра. 22:40.

И две строки:

METRO

MOBILE

— Посмотрите сами, — сказал Вадим. — После этого решите, кому верить.

Он ушёл.

Через минуту серый микроавтобус отъехал.

Чёрная машина СФЕРЫ осталась на месте.

После ухода Вадима я вышел на улицу первым. Воздух был холоднее, чем ожидалось. Через дорогу стояла машина Карпова. Фары не горели. Он сидел внутри и ждал, не изображая случайного прохожего.

Я подошёл.

Стекло опустилось.

— Всё?

Я положил визитку на край окна, не отдавая из рук.

Карпов прочитал надпись.

— Это приглашение?

— Скорее демонстрация уверенности в себе.

— Что ещё?

Я рассказал про анкеты. Профессии. Пропуска. Рабочие зоны. Про двух технических специалистов. Про лёгкое усиление напряжения.

Карпов записал только несколько слов.

— Устройство?

— Не показывал. Но встреча завтра. Метро. Мобильный.

— Ничего не предпринимаете сами.

— Я уже слышал.

— Повторение улучшает выживаемость.

— У вас это на плакатах написано?

— Пока нет.

Он вернул взгляд к кафе.

— Алина?

— Есть проблема.

— Какая?

Я вспомнил фразу про жидкую часть.

— Пока не знаю.

Карпов не стал вытягивать. Только сказал:

— Тогда сначала узнайте. И не путайте личное недоверие с оперативным фактом.

От майора государственного ведомства это прозвучало неожиданно разумно. Я решил не привыкать.

Я положил карточку на стол.

Алина стояла за стойкой и делала вид, что убирает чашки.

— Жидкая часть? — спросил я.

Она не повернулась.

— Потом.

— Уже было «потом».

— Знаю.

Руслан поднялся, надел куртку и направился к двери.

— Я на улице подожду.

Редкий случай, когда человек с фазовой машиной понял обычную человеческую границу раньше меня.

Я посмотрел на Алину.

Она всё-таки обернулась.

Разговор явно предстоял неприятный.

Но сначала у нас был поезд метро, мобильный модуль и человек, который слишком спокойно приглашал посмотреть на собственный эксперимент.

С тех пор как у меня появилась магия, нормального расписания так и не завелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.